

ВАЛЕНТИН СЕЛЕГЕЙ

ТЕЛЕЦКОЕ ОЗЕРО

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

КНИГА
ВТОРАЯ

2009

ВАЛЕНТИН СЕЛЕГЕЙ

ТЕЛЕЦКОЕ ОЗЕРО

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

КНИГА ВТОРАЯ

Историография туризма, Кедрограда,
Алтайского заповедника, Озерной станции.
Телецкое озеро- “душевный университет природы”.
Телецкий вертодром. Ракетный “погост”.



Новосибирск - Горно-Алтайск

2010

Селегей В.В. Телецкое озеро. Очерки истории.» В трех книгах.
Книга вторая. – Новосибирск: ЗАО «ФинСиб», 2010. – 174 с.

Редактор – заслуженный деятель искусств В.Г.НОВИКОВ

Совмещая жанр документальных очерков с публицистикой, автор знакомит читателя с историографией разрушенной чиновниками светлой мечты «шестидесятников» уберечь от промышленных рубок «хлебное» дерево Сибири – кедр и разумно использовать природные богатства прителецких кедровых лесов (глава «Кедроград»).

В главе «Туризм» представлена почти вековая история становления и развития туризма как приоритетного направления использования Телецкого озера.

Широко также представлена историография дважды разрушаемого и вновь восстанавливаемого Алтайского заповедника, в 80-летней истории которого зеркально отразилась многострадальная судьба заповедников страны (глава «Три жизни Алтайского заповедника»).

В главе «Этюды истории Телецкой озерной станции» автор рассказывает об организации стационарных наблюдений и исследований озера, у истоков которых ему посчастливилось быть самому.

Глава «Телецкое озеро – душевный университет природы» знакомит читателя с самоотверженными и далеко непростыми жителями озера, а также с наделявшими их «фоскошью человеческого общения» вертолетчиками и гостями озера.

Рукопись «Телецкое озеро. Очерки истории» получила в номинации «Книги о природе» (Москва, Центр охраны дикой природы, 2007 г) Диплом и Премию имени известного идеолога заповедного дела СССР и РФ Феликса Робертовича Шгильмарка.

Рецензенты:

К.В.АВИЛОВА, с.н.с. Биологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

М.В.БУЛГАКОВ, член Союза писателей РФ, член редколлегии журналов
«Охота и охотничье хозяйство», «Охотничьи просторы».

Издана за счёт средств автора.



«... Заповедники должны быть безлюдными – вот в чем простая суть, которая пока не достижима, и не только из-за цивилизации, но и по немоци наших экологов...»

Ф.Р. Штильмарк
Москва, 2005 г

ГЛАВА 3

ТРИ ЖИЗНИ АЛТАЙСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

3.1. Предисловие

Алтайский государственный биосферный заповедник расположен на стыке двух горных систем Южной Сибири – Алтая и Западных Саян. Его северо-восточная и восточная граница на всем своем протяжении (более 250 км) проходит по водоразделу крупнейших рек Евразии – Оби и Енисея, а его короткая (около 40 км) юго-западная граница примыкает к внутреннему бассейну монгольской реки Моген-Бурен (в пределах Республики Тыва).

Алтайский заповедник всегда ассоциируется с Телецким озером, которое стало как бы его визитной карточкой. Никто не сделал больше для охраны озера за последние почти 80 лет, чем его самоотверженные сотрудники (половина акватории и водосборного бассейна озера входят в состав заповедника).

По разнообразию природных условий, животного и растительного мира Алтайскому заповеднику нет равных на Урале, в Западной, Центральной и Восточной Сибири и в этом отношении он соперничает лишь с Кавказскими и Дальневосточными (материковыми) заповедниками России.

Флора и фауна заповедника представлена широким видовым составом характерных растений и животных не только для гор Южной Сибири, но и для равнинной Сибири, Арктики, горных степей Монголии, Южного и Центрального Алтая.

Важным показателем, определяющим разнообразие природных условий и, как следствие, разнообразие видового состава животного и растительного мира, является перепад высот на территории заповедника. При этом, чем ближе к уровню моря нижняя отметка и чем больше перепад высот, тем богаче это разнообразие.

Для Алтайского заповедника максимальный перепад высот на его территории составляет 3 070 м, при этом нижняя отметка находится на высоте 434 м над у.м. (средний уровень Телецкого озера), а верхняя – на высоте 3 504 м над у.м. (вершина Таш-калы-кая в южной части Шапшальского хребта).

Горные вершины на внутренних хребтах заповедника достигают высот 3111 (Куркурекбажи), 3 069 (Теты-кель), 3150 (Трехглавая), 3149 (Богояш). Эти внутренние хребты расположены в центральной и юго-восточной части заповедника, а горные внутренние вершины в прителецкой (северо-западной) части заповедника находятся на высоте 1300-2500 м над у. м.

Склоны гор до высоты 800-1100 м над у.м. покрыты смешанными лесами и кустарниками. Высокогорные кедрово-пихтовые леса на севере заповедной территории поднимаются до высоты 1600-1700 м, кедрово-лиственничные и елово-кедровые на юге – до высоты 1900-2100 м над у.м.

На территории заповедника зарегистрировано около 60 видов млекопитающих, 2 вида амфибий и 6- рептилий, 18 видов рыб (в том числе один акклиматизант – лещ и 3 редких мигранта Телецкого озера – осетр, нельма и пескарь). Богата природа заповедника птицами – их зарегистрировано более 320 видов (обитающих, зимующих, пролетных, мигрирующих, залетных). Особенно велик, исчисляемый тысячами видов, мир беспозвоночных.

Богатое растительное сообщество представлено более 1480 видами сосудистых растений, относящихся к 107 семействам, около 500 видами лишайников и 510 – мхов, 36 видами папоротников, 127 – грибов и более 600 видами водорослей.

В приустьевой части реки Баяс (приток р. Кыга в 2 км от Телецкого озера) на высоте 450-1200 м над у.м. сохранилась третичная растительность (так называемый Телецкий (Кыгинский) рефугиум), служащая красноречивым аргументом в пользу утверждения - позднеплейстоценовый ледник не достигал берегов Телецкого озера.

Гордостью природы Алтайского заповедника остаются исчезающие снежный барс (ирбис), горный баран (аргали), северный олень, горная индейка-улар. Последние два вида встречались в 1930-40-е гг даже на прителецком хребте Корбу. Более двух сотен видов птиц, млекопитающих, беспозвоночных, растений заповедника внесены в Красные книги разных уровней, и спасти их от полного исчезновения может только хорошо налаженная мобильная и вахтовая система охраны природы заповедника и ежегодные наблюдения за ними научных сотрудников.

Алтайский заповедник – патриарх заповедников России. И не только потому, что он в начале нового века отметил свое 70-летие и был в 1931-1951 гг первым среди заповедников СССР по размерам территории (около 1,3 млн. га). В последующие 1958-1961 гг его площадь сократилась до 940 тыс. га, в 1990 годы она составила 881 238 га, сохраняя за Алтайским заповедником статус крупнейшего в стране (сегодня лишь Кроноцкий и несколько новых арктических заповедников превосходят его по площади).

Нынешнее поколение сотрудников Алтайского заповедника вправе гордиться тем историческим обстоятельством, что у истоков его организации и первых научных экспедиций по его территории стояли виднейшие организаторы и научные деятели всесоюзного масштаба: В.Г.Гешнер, П.Б.Юргенсон, С.С.Тузов, В.И.Баранов, известный художник-анималист А.И.Комаров.

По праву «отцом Алтайского заповедника» считается Франц Францевич Шиллингер, бывший руководитель отдела охраны природы Главнауки Народного Комиссариата Просвещения РСФСР, ведавшего заповедным делом страны. Это он готовил первые декреты по охране природы страны еще при жизни В.И.Ленина. Ф.Ф. Шиллингер организовал и провел в первый год работы Алтайского заповедника (1931) экспедицию по исследованию и уточнению его границ и участвовал в заседании Ойротского (Горно-Алтайск) облисполкома, как представитель Главка заповедников при подведении итогов первого года работы заповедника и результатов его проверки Рабоче-крестьянской инспекцией (нынешним аналогом КРУ). Годом открытия Алтайского заповедника необходимо считать 1931 год(а не 1932 как принято сейчас), когда уже работал первый его директор крымчанин Шафранович, заместитель по хозяйству и охране москвич Зависный, 4 сотрудника охраны и счетовод. Тогда же были закуплены дом-контора в Артыбаше и 5 лошадей.

Алтайский заповедник справедливо гордится незаурядными с активной жизненной позицией директорами В.А.Бородавкиным (1935-1936 гг), А.Д.Черстовым (военные годы), А.И.Мартыновым (послевоенные годы), В.В.Криницким (1958-1961 гг), О.А.Макаровым (1974-1976 гг), А.Г.Зиминым (1977-1981 гг), каждый из которых в свое время изменили лик центральной усадьбы, лесничеств и кордонов заповедника. Это они развернули строительство нового жилья, служебных помещений, школы, детского садика; обеспечили поселок телевидением, телефоном, вертодромом, оставили глубокий след в организации охраны и научных исследований, в транспортном обеспечении и техническом снабжении, публикации научных трудов, организации сотрудничества с НИИ СО РАН и вузами.

Высокопрофессиональное научное наследие, научный вклад, создание научных школ в заповеднике, самоотверженный труд в подготовке «Летописей природы» проявили десятки научных сотрудников и в первую очередь к ним относятся: В.В.Дмитриев, М.В.Золотовский, П.Б.Юргенсон, С.С.Фолитарек, Ф.Д.Шапошников, Г.Д.Дулькейт, Л.П.Брысова, Э.А. Ирисов, А.В.Галанин, Н.И.Золотухин, В.А.Яковлев, Ю.В. Захарченко, И.А.Филус, В.В.Бутвиловский.

Особую гордость сотрудники Алтайского заповедника испытывают за своих коллег – Василия Васильевича Криницкого и Петра Борисовича Юргенсона, возглавлявших впоследствии глав заповедников страны в Минсельхозе СССР и Главнауку в управлении заповедниками при СовМине РСФСР. Кроме того, коллектив Алтайского заповедника обогатил систему охраны природы страны, НИИ РАН, учебные заведения десятками известных ученых: зоологов, ботаников, лесоводов, почвоведов, охотоведов, специалистов по охране природы.

В многолетней истории Алтайского заповедника, как в зеркале, отразилась многострадальная история заповедников СССР и России, которую мы представляем читателю в этой главе.

Алтайский заповедник трижды открывался (1931, 1958, 1968 гг.) и дважды закрывался (в 1951 и 1961 гг.). Площадь заповедника сокращалась четыре раза (в 1935, 1958, 1968 и 1990-е гг.). В эти же годы частично менялись его границы.

На его территории дважды (в 1951-1957 и в 1961-1967 гг.) возобновлялась хозяйственная деятельность (охотничье-промысловая, лесозаготовительная, выпасы скота, туризм, садоводство). К счастью, в силу труднодоступности, малонаселенности, отсутствия дорог этой хозяйственностью было охвачено лишь 12-15% его бывшей территории, хотя охота в эти периоды осуществлялась на всей его площади.

В 1990-е годы и в первое пятилетие 2000 гг. в заповеднике наблюдался беспрецедентный разгул браконьерства и туризма. Микрокоррупцированный заповедник лишь олицетворял собою макрокоррупцированную Россию. Неуправляемость процессов, почти полное отсутствие финансирования науки, охраны заповедника и транспортного обеспечения, закрытие лесных кордонов в долине Чулушмана на фоне строительства новых автодорог в ту же долину, отсутствие вахтовой охраны в период нереста рыб и сезонной охоты – все это и определяло тот беспредел.

Можно лишь сожалеть о том, что ни Алтайский заповедник, ни один из других заповедников России не задались целью оценить влияние беспредельного браконьерства в 1990-2000-е годы на изменение видового и численного состава охотничье - промысловой фауны. В целом же угроза «четвертого» Алтайского заповедника миновала лишь в 2006-2007 гг., как следствие стабилизации социально-экономических условий в стране.

Когда это предисловие было уже написано, пришло почти 20 лет ожидаемое уведомление от Главка заповедников России: Алтайскому государственному природному заповеднику Международным комитетом ЮНЕСКО присвоен статус «биосферного заповедника». Это налагает особую ответственность на руководство и сотрудников заповедника, на отдел охраны и отдел научных исследований за разработку многолетних программ охраны и экологического мониторинга, пересмотра приоритетов в организации работ в заповеднике и увеличение финансирования Алтайского заповедника Минприродой России. Кроме того, этот статус открывает новый этап в развитии международного научного сотрудничества и совместных с институтами РАН и университетами исследовательских работ на территории заповедника.

3.2. Заповедники – слава и боль России

Слово «заповедник» - от глагола «заповедовать». Вот как объясняет его значение словарь Владимира Даля: «Повелевать, предписывать, приказывать, наказывать к неперемennomу, всегдашнему исполнению, завещать какую обязанность, обязывать к чему заклятием, запрещать». И далее: «Заповедать лес – запретить в нем рубку, это делается торжественно: священник с образами, или даже с хоругвями, обходит его при народе и старшинах, поют «Слава в Вышних» и запрещают въезд на известное число лет...».

Кто же после этого посмеет войти под тенистые своды, срубить дерево, сорвать гриб!

Так благоговейно относились предки к природе, сохраняя её для неведомых им потомков. Нас с вами.

А что же мы?

В первой четверти XX века в России была разработана и реализована ставшая классической концепция заповедников, как формы «абсолютного невмешательства в природу». Согласно ей, это - самая совершенная форма охраны природы, верхний предел возможностей человека сохранить в естественном состоянии эталонные участки биосферы.

Почему же сегодня приходится говорить о заповедниках не как об идеальной форме охраны природы, а лишь как о верхнем пределе возможностей человека сохранить в естественном состоянии хотя бы отдельные малые «острова дикой природы»?

Двадцатый век – век мощного промышленного, теплоэнергетического, транспортного, агропромышленного развития. Эти процессы оказали влияние на изменение климата, а за счет глобального атмосферного переноса выбросов загрязняющих веществ привели к химическому, радиоактивному и биологическому загрязнению территорий заповедников, что подтверждают результаты наблюдений на станциях комплексного фонового мониторинга (СКФМ), расположенных в некоторых заповедниках.

Испытание ядерного оружия в атмосфере в 1945-1980 гг. и глобальная ядерная авария в Чернобыле 1986-го года вызвали высокое радиоактивное загрязнение на территориях большинства заповедников страны, в том числе и на самых удаленных. К сожалению, до настоящего времени эти уровни загрязнения не оценены. В программу работ СКФМ мониторинг радиоактивного загрязнения даже не включен.

Не менее опасны для заповедников запуски космических аппаратов и учебные стрельбы военными ракетами, фрагменты ступеней которых падают на землю. Результаты таких запусков на природные комплексы также не определен, т.к. вот уже более 40 лет в России отсутствует целевая государственная система мониторинга оценки влияния запусков ракет.

Транспортировка с пыльными бурями ядохимикатов, минеральных удобрений, солей с высыхающих озер, радиоактивной пыли с ядерных полигонов и загрязненных территорий вызывают значительные уровни загрязнения некоторых охраняемых территорий, но и этот процесс часто остается вне контроля и оценки в большинстве заповедников.

Сегодня нефтегазовая и горнодобывающая промышленность, гидроэнергетика, сельскохозяйственное производство, лесоразработки, охотопромысловые и туристические нагрузки на сопредельные с заповедниками территории заставляют животный мир мигрировать в заповедники, тем самым нарушая естественно регулируемую природой динамику численности промысловой фауны. Нельзя не отметить и тот факт, что существует и обратная миграция при перенаселении заповедников отдельными видами, которая обогащает животный мир сопредельных территорий.

Таким образом, на земном шаре практически не осталось участков биосферы, где бы в той или в другой степени не сказывалось антропогенное влияние. И все же сохранение принципа "невмешательства" - важнейшая задача и цель стратегии охраны заповедников в новом столетии.

Та почти идеальная концепция заповедного режима "невмешательства", у истоков которой стояли В.В.Докучаев (1895 г) и профессор МГУ Г.А.Кожевников (1909,1921,1925,1928 гг.) начала разрушаться в конце 20-х годов. Именно тогда заповедники по степени заповедования были разделены на "полные" и "частичные". В 30-х - 40-х годах эта концепция была подорвана ещё более основательно под натиском революционных лозунгов. Читать их сегодня дико, но ведь в то время это были не абстрактные призывы, а руководство к действию! «Взяться за основного древнего врага нашего - за борьбу с природой» (М.Горький); « Нам нечего ждать милости от природы, взять их - наша задача» (В.Мичурин); «Природа не храм, а мастерская»; «природу взять в руки и переделать для целей соцстроительства..., сделать заповедники большевистскими, зажиточными, научными и райскими уголками» (О.Лепешинская).

Именно в эти годы понятие "охрана природы" превращается в "природопользование". Меняется в 1931 году даже название союзного журнала "Охрана природы" на "Природа и социалистическое хозяйство".

В заповедниках получает широкое развитие хозяйственная деятельность, расселение на их территории новых видов, нарушивших баланс тысячелетиями складывавшихся биоценозов. По рекомендациям "великих" ученых в заповедниках организуется планомерный отстрел хищников - волков, медведей, рысей, росомх, харз, бакланов, чаек, ворон. Это, естественно, приводит к нарушению многовековых межвидовых отношений. При этом для травли волков в заповедниках применялись ядохимикаты, и даже, как свидетельствует Ф.Р.Штильмарк, синильная кислота, что приносило колоссальный вред многим другим видам фауны. Во всем мире признано, что применение ядохимикатов - самая жестокая и отвратительная форма браконьерства!

Печально известная сессия ВАСХНИЛ 1948 года внедрила в практику авантюрную теорию Т.Д. Лысенко, которая нанесла непоправимый ущерб заповедному делу в стране. В 1951 году в СССР из 118 заповедников было ликвидировано 88, в том числе в России 26. Территории сохранившихся заповедников были сокращены до 50-100 тыс. га. В Минлесхоз, по данным Ф.Р.Штильмарка, было передано около 10 млн. га ценнейших заповедных лесов.

Так советская государственная система, создавшая и реализовавшая самую совершенную в мире концепцию заповедного дела, сама же ее жестоко разрушила. Об этой трагедии заповедников в стране умалчивалось до 90-х годов.

В 1957-58 гг справедливость была восстановлена, но живучесть "лысенковщины" привела к рецидиву ее в 1960-61 годах, когда снова прошла волна закрытия уже восстановленных заповедников.

И лишь в конце 60-х годов буквально ожила классическая концепция. Началось вторичное за последние 10 лет восстановление старых и открытие новых заповедников. К 1995 году только в

России их насчитывалось уже более 90 (в 1937 году заповедников было 19, в 1940 - 27, в 1950 - 37, в 1985 - 56).

Но грянула новая драма для заповедников, хотя их количество продолжало расти. В начале 90-х годов произошел обвальный экономический спад, который поставил заповедники в беспросветное финансовое положение (с трудом выплачивалась лишь мизерная зарплата в условиях неуправляемой инфляции).

В заповедниках начался процесс произвольной коммерциализации отношений, рост браконьерства, развитие туризма, возникли межнациональные проблемы (в республиках), разваливались научные исследования и, самое главное, разрушилась оперативная и мобильная система охраны. Если заповедное дело еще сохранялось, то только благодаря энтузиазму, самоотверженности отдельных сотрудников и руководителей, благодаря зарубежным тематическим (целевым) грантам или в редких случаях за счет незначительного финансирования из региональных бюджетов.

В 90-е годы почти стихийно происходит опасное смешение понятий “заповедник” и “национальный парк” как у центрального руководства, так и у значительной части руководителей на местах.

Московский Главк направляет десятки директоров заповедников России в Европу, Северную Америку и даже в Африку для изучения опыта организации работы в “национальных парках”. Прикрывая собственную несостоятельность финансировать работу заповедников, Главк закрывает глаза на стихийное разрушение единственной в мире национальной концепции заповедного режима. Мало того, “верхние” чиновники начинают указаниями и циркулярами поощрять это разрушение (по-видимому, от безысходности экономической ситуации), постепенно меняя принципиальные основы заповедования территорий.

Заповедник или остается “заповедником,” или приобретает статус “национального парка”. Вроде бы третьего не дано, но в условиях безысходности появляется компромисс: в крупных заповедниках на 5-7% территории, где в недалеком и далеком историческом прошлом уже велись хозяйственные работы (лесозаготовки, сенокосение, сельхозугодия, экотуризм...), стихийно выделяются зоны с неутвержденным статусом “национального парка”, прибыль от которых используется на содержание заповедника, а заодно и на обогащение чиновников.

Все вышеизложенные этапы развития и развала заповедного дела в России, как в капле воды отразились в почти 80-летней истории Алтайского заповедника, которую мы представляем ниже.

3.3. “Первый” Алтайский заповедник (1931-1951гг)

Заповедник открывался в начале непростых 30-х годов. В эти же годы получили путевку в жизнь такие знаменитые заповедники России, как Лапландский (1930г), Печеро-Ильгчский (1930г), Башкирский (1930г), Кивач (1931г), Центрально-Лесной (1931г), Кандалакшский (1932г), Уссурийский (1932г), Кроноцкий (1934г)...

Решение об открытии заповедников принимает научный сектор Наркомпроса РСФСР в соответствии со списком “перспективной сети заповедников СССР”, составленный ученым с мировым именем профессором МГУ Г.А.Кожевниковым, заложившим научные основы отечественного заповедного дела. Перспективная сеть заповедников была разработана им с учетом широко известных предложений В.П.Семенова - Тянь-Шанского, подготовленных им еще в 1917 году.

Алтайский заповедник был организован постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 4 мая 1930 года. В марте 1931 года Наркомпрос командировывает в Ойротию (ныне Республика Алтай) первого директора Алтайского заповедника Шафрановича, руководившего ранее Крымским заповедником. В июне к нему в заместители по хозяйственной и охранной части приезжает из Москвы охотовед-практик Зависный. В то лето директор, его заместитель, счетовод, четыре рабочих и составили первый коллектив заповедника.

В этом же 1931 году в целях уточнения территории под заповедник Москва направляет на Алтай экспедицию, под руководством Ф.Ф.Шиллингера, в недавнем прошлом руководителя отдела охраны природы Главнауки Наркомпроса РСФСР. Еще при жизни Ленина он готовил проекты его декретов об охране природы. (Об этом факте сообщают Ф.Р.Штильмарк и А.М.Колосов)

Замечу, что экспедиция эта была не первой. Еще в 1929 году отдел охраны природы Главнауки Наркомпроса направил свою экспедицию под руководством профессора В.И.Баранова для исследования территории будущего заповедника. В эту экспедицию входил хорошо мне знакомый ученый-соболевед В.Н.Надеев.

По свидетельству В.В.Дмитриева, в соавторстве с тем же М.В.Золотовским и др. (1937 г), экспедиция В.И.Баранова проехала из п. Яйлю, через хребет Торот, верховьями рек Камга и Конуй (приток Б.Абакана) и через реку Коот-агач и правобережье р.Кокшей вернулась на Телецкое озеро, после чего, посетив р.Кыга и Еринат (приток Б.Абакан), направилась в бассейн Чолушмана.

Т.Г.Дулькейт считает, что экспедиция В.И.Баранова имела задание определить место организации заповедника. Сопровождал ее уже известный читателю местный охотник-медвежатник Д.М.Молоков. Это была первая ботаническая экспедиция после путешествий по озеру и Чолушману в 1905, 1907 и 1908 гг барнаульского ботаника В.И.Верещагина.

В декабре 1931 года президиум Ойротского облисполкома заслушал доклады директора заповедника Шафрановича и представителя Главка Ф.Ф.Шиллингера, признал необходимость подтвердить организацию Алтайского Государственного заповедника в уточненных границах (постановление от 10 декабря 1931 года). Территория заповедника включала в себя всю правобережную часть бассейнов Чолушмана, Телецкого озера (до поселка Артыбаш) и верховье реки Б.Абакан до устьев рек Конуй и Бедуй. Необходимо заметить, что рассматривался и вариант с включением в территорию заповедника всего Телецкого озера, но не был принят руководством Ойротии.

Вскоре, 28 декабря 1931 года, организация заповедника в указанных границах была согласована и с Хакасским облисполкомом, согласившимся с включением верховьев Б.Абакана в состав Алтайского заповедника.

Эти два постановления облисполкомов 10 января 1932 года утвердил Западно-Сибирский крайисполком, а 16 апреля 1932 года - Совет Народных Комиссаров РСФСР.

В 30-х - 60-х годах датой открытия Алтайского заповедника считался 1931 год, когда уже худо-бедно, но велись организационные работы, существовал коллектив из 7 человек, расходовались средства, была проведена экспедиция, закуплены дом, 5 лошадей. Четыре человека занимались охраной заповедника. Но в справочной литературе 80-х - 90-х годов датой открытия заповедника считается 1932 год - по-видимому, принимая за исходную дату Постановление Совнаркома от 16 апреля 1932 года (но ведь были еще и постановления Совнаркома 1930 и 1935 гг.).

Сектор науки Наркомпроса все еще ведавший в тот год заповедниками страны, 21 декабря 1931 года обращается с просьбой к Ойротской рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин) проверить работу Алтайского заповедника, начиная с марта 1931 года (со времени приезда первого директора).

16 февраля 1932 года на президиуме контрольной комиссии обкома партии были рассмотрены результаты проверки Рабкрином, и работа заповедника была признана "неудовлетворительной", поскольку дирекция не выполнила возложенных на нее задач. Выделенные средства израсходованы бесхозяйственно. Вместо десяти человек, охрану осуществляли лишь четверо. Было предложено для помощи в работе заповедника и охраны его границ привлечь Лебедской (Турочакский), Улаганский и Кош-Агачский райисполкомы.

После таких результатов проверки первый директор заповедника Шафранович был заменен К.Я.Саулиэтом. С тех пор начинается обычная для почти всех заповедников страны чехарда замен директоров. В 1931-1951гг в первом Алтайском заповеднике сменилось не менее 10 директоров - кроме указанных выше Шафрановича и К.Я.Саулиэса, заповедником руководили Саломеев, Ливанов И.В., Бородавкин В.А., Журавлев М.П., Осиевский Н.И., Черствов А.Д., Мартынов А.И., Ефремов И.А.. Как правило, директора просто переводились в другие заповедники.

Ф.Р.Штильмарк подтверждает: в Печеро-Ильчском заповеднике в те годы за 14 лет сменилось 11 директоров, в Кавказском за 10 лет - 10, в Судзухинском за 7 лет - трое ...

При всем том научные исследования в заповедниках тех лет развивались достаточно благополучно.

Кроме указанных экспедиций по территориям заповедника В.И.Баранова (1929 г), Ф.Ф.Шиллингера (1931 г) наибольшую известность и значимость приобрели Алтайская зоологическая экспедиция 1934 и 1935гг под руководством знаменитого профессора Московского зоологического музея С.С.Турова.

В первой экспедиции принимали участие не менее известные, чем ее руководитель, профессор В.Г.Гепнер и художник А.И.Комаров, чьи рисунки фауны в школьных учебниках помнят все ученики 30-50-х годов 20 века. Эта экспедиция проходила с 18 июня по 15 сентября 1934 года по Телецкому озеру, верховьям Б.Абакана и бассейну Чолушмана. Во второй экспедиции С.С.Турова (12 июня-15 сентября 1935 года) принимал участие А.Н.Желоховцев и участник обеих экспедиций препаратор В.К.Федулов. Экспедиция прошла по Телецкому озеру и заповедной части бассейна Чолушмана.

10 февраля 1935 года выходит совместное Постановление Президиумов ВЦИК и Совнаркома РСФСР об установлении окончательных границ заповедника по правому берегу р.Чолушмана (Абаканский участок остается без изменений) и переносится северная граница от поселка Артыбаш до устья реки Ойер. Ойротский облисполком в 1936 году возбуждает ходатайство перед Правительством о пересмотре границ по берегу Чолушмана (передача части правобережных территорий колхозам Улаганского аймака), но это произойдет лишь при открытии "третьего" заповедника (1968 г).

Научная работа в заповеднике начинается уже осенью 1933 года, когда сотрудники Л.И.Бородин и В.В.Дмитриев начинают собирать орнитологическую коллекцию в основном промысловых и хищных птиц. Об этом пишут С.С.Фолитарек, Г.П.Деменьтьев. В 1934 году ботаниками заповедника М.В.Золотовским и А.Н.Гончаровой начаты работы по инвентаризации флоры и растительности, а охотовед В.В.Дмитриев разворачивает работы по изучению крупных копытных. В 1935 году научная работа "приобрела уже широкий размах". Сотрудниками проводится Чолушманская комплексная зооботаническая экспедиция под руководством С.С.Фолитарека. В состав экспедиции входит геоботаник М.С.Хомутова, препаратор С.П.Горохова, студентка МГУ К.Е.Травникова. Во второй экспедиции (Абаканская) работают ботаники М.В.Золотовский, А.К.Гончарова. Зоологи Л.А.Цвеленьев, Г.В.Квитницкая ведут работы на стационарах вблизи Телецкого озера. Зоолог П.Б.Юргенсон проводит полустационарные работы в прителецкой части, а В.В.Дмитриев работает на стационаре в бассейне Чульчи. В 1936 году заповедник проводит стационарные наблюдения по изучению биоценозов высокогорных тундр, лугов и кедровых лесов. Успешно развивается сотрудничество не только с Московским зоологическим музеем, но и с Московским и Ленинградским университетами. В 1938 году выходит первый сборник научных трудов Алтайского заповедника под редакцией известного профессора МГУ В.Г.Гепнера. Многие сотрудники покидают заповедник, получив хорошую научную школу и со временем становясь видными учеными страны.

Но всю жизнь оставались на озере местные проводники экспедиций, знатоки горной тайги наблюдатели заповедника Д.М.Молоков, Е.Г.Шеинов, Ф.И.Табакаев, С.К.Кебезеков, К.С.Федякин. С некоторыми из них я общался в 60-х - начале 70-х годов. По их рассказам и удалось установить, как жили в ту пору работники заповедника.

Особые условия жизни в 30-х годах

В 1931-1936 гг с заповедной территории Телецкого побережья и по правому берегу р. Чолушмана до с.Язулу было выселено около 200-300 семей местных жителей (это более 1000 человек), которые в трех поколениях не числились в друзьях заповедника.

Центральная усадьба ("резиденция") Алтайского заповедника размещалась на значительной по площади приозерной террасе в пос.Яйлю, отрезанном от "большой земли" и "советской власти" 26 километрами озера и 30 километрами конной (лыжной) тропы.

В 1935 году поселок состоял лишь из 8 домиков (сегодня их 35 и около половины из них 2-х квартирные). Строительство поселка только начиналось. В здании управления заповедника размещались лаборатория, библиотека, место для собраний и закладывался музей (двухэтажная контора заповедника стала украшением поселка). На фотографиях тех лет почти безлесая территория поселка, с разбросанными домиками на фоне неизменно красивого озера, представляет довольно безрадостную картину. Но жизнь, как известно, определяют не дома и деревья, а люди и время.

Вот как описывает те довоенные года жизни в пос.Яйлю Ф.Р.Штильмарк, ссылаясь на воспоминания сотрудников заповедника.

" На Алтае в то время собралась своеобразная группа " из бывших" (т.е. из бывших дворян и старой русской интеллигенции). Там работали Петр Борисович Юргенсон, внук известного музыкального издателя, организатор и первый директор Лапландского заповедника Герман

Михайлович Крепс, предпочитавший держаться подальше от прежней российской столицы, Федор Дмитриевич Шапошников (тоже родовитого семейства). Директором был "сосланный" с Кавказа И.В.Ливанов, старавшийся не вмешиваться в дела "научников" и сам, по-видимому, симпатизировавший их настроениям. В Яйлю царили запустение и разруха, о чем весьма красочно вспоминает А.Г.Костин, приехавший туда с большой семьей с планами создания кабарожьей фермы. Научный коллектив встретил новичка неприветливо: выпускник-охотовед школы Мантейфеля в глазах зоологов с университетскими дипломами был недоучкой, и ему не нашлось места сотрудника; Костина назначили начальником охраны.

"Я стал председателем группы содействия прокуратуре - вспоминал Костин, - приходилось ко всему присматриваться... Случалось находить в скалах тайники с оружием, с гранатами. Попадались перебежчики, которых мы передавали в погранотряды. К тому же шла полоса "ежовщины", и многих людей тогда брали по доносам вовсе беспочвенным. Жертвой их пал, например, председатель Турочакского аймака... По его делу выезжал из Москвы следователь, а накануне его приезда прокурор области застрелился. Потом беднягу-председателя освободили, но это был уже не человек и не работник (как и мой брат Иван, взятый в 1939г). Далее Костин рассказывает, как он подробно написал о положении дел в заповеднике и вместо адреса главка вывел на конверте: "редакция газеты "Правда"..."

"Не прошло двух недель, как приехал человек лет 55, слез с саней и не в контору, а на конный двор, в пекарню, магазин, зашел в квартиры рабочих... К вечеру стало известно: ревизор из Москвы, член партии с 1903 г., Бородавкин Владимир Александрович. Занял он кабинет директора, вызывал к себе людей, а больше ходил по поселку, присматривался. На третий день появились люди из НКВД и начались аресты. Забрали 15 человек, у которых оказались не в порядке документы. Некоторых давно разыскивали - сбежавшие из окрестных мест кулаки-кержаки. Одновременная проверка на соседнем приiske тоже привела к многочисленным арестам. Потом говорили, что многие из арестованных встречались здесь с Н.И.Бухариным, не раз приезжавшим в Яйлю и рисовавшим здесь виды Телецкого озера. На берегу его был большой лиственничный пенек, на котором Н.И. любил сидеть. Этот пенек весной 1938 года мы дружными усилиями выкорчевали и сбросили в озеро..." (цитаты из писем Костина, см. Штильмарк и Костин, 1993, с.19). Надо ли объяснять, что и те, кто встречался с Бухариным, и "кулаки-кержаки" были на самом деле простыми сибиряками-тружениками, напрасными жертвами сталинского произвола.

"Ливанова сняли, первым пунктом обвинения было - "потеря классово-бдительности". Забегая вперед, скажу, что суровой кары ему не было. То ли помогли таймени и мед, которыми он одаривал прежних ревизоров из Комитета, то ли что другое, но он быстро устроился на должности лесничего где-то под Москвой. Тогда вообще как-то странно было: по липовым доносам людей истязали и ссылали, а тех, кто этого действительно заслуживал, выгораживали или давали минимум.

Новым директором стал В.А.Бородавкин. Последнее время работал он заместителем председателя Далькрайисполкома, в чем-то проиштрафился, вызвали его в Москву и дали новое назначение... Он был один из героев Волочаевки, имел орден Красного Знамени, вскоре стал депутатом облсовета и членом обкома партии... Дела пошли лучше. Появилось 20 рабочих лошадей, 10 ходков на железе, приехало несколько семей рабочих, появилась соль и хороший хлеб".

Это не случайные эпизоды, здесь проявилась политика не столько Комитета по заповедникам, сколько Компартии и Совнаркома, выдвигавших на руководящие должности именно таких людей, как В.А.Бородавкин - участников гражданской войны, бывших партизан или матросов, считавших своим партийным долгом честно выполнять любое порученное им дело. Как администраторы и организаторы они подчас оказывались на высоте, хотя были очень далеки от заповедной науки. И.И.Пузанов в своих воспоминаниях пишет: *"Несколько лет директором заповедника состоял известный партизан времен гражданской войны А.В.Мокроусов, (речь идет о директоре Крымского заповедника - В.С.) Окрестные браконьеры, хорошо понимавшие, что с этим подтянутым валевым человеком шутики плохи, приутихли".* Надо сказать, что в то время за браконьерство, как один из видов хищения социалистической собственности, можно было получить по сталинскому указу от 7.08.1932 г. не только десять лет, но и лишиться жизни.

"Через год после назначения Бородавкина заповедник было не узнать. Крепкое хозяйство, два жилых дома, транспорт, торговля. Окреп местком, открылся клуб, зажглось электричество, подсобное хозяйство давало овес, сено, овощи, картофель, заложили хороший сад. В.А.Бородавкина в результате отозвали и назначили директором Крымского заповедника, выделив большие средства на строительство".

“В Алтайский заповедник приехал новый директор, М.П.Журавлев, отставной полковник НКВД, уже пожилой человек, жена много моложе, двое детей-подростков. Вместе с ним появился новый зам. по науке - В.Ф.Исаков (Крепс и Юргенсон при Бородавкине переехали в другие заповедники - Ф.Ш.) Они поручили Шапошникову спроектировать установку для получения электроэнергии от волн Телецкого озера, тот кое-как отказался от этого задания”. Журавлев прославился тем, что велел поставить на лыжи лошадей для преодоления заснеженных перевалов, затем приказал всем жителям Яйло держать не менее 100 кур каждому. Он строго запретил кому-либо писать в Главк и даже не выпускал никого из поселка. Молодая геоботаник Гришаева прошла через тайгу и горы в Артыбаш, добралась до К.М.Шведчикова (председатель Комитета по заповедникам - В.С.), и... “Журавлева с Исаковым точно ветром сдуло, даже без комиссии и райкома. Журавлева перевели директором местной школы, а позднее выяснилось, что он был душевнобольным”. Вообще, история Алтайского заповедника насыщена криминальными сюжетами (Мальшев, 1982 и др.).

А.Г.Костин при Бородавкине получил свою “кабарожью” тематику, и ему удалось построить первую в СССР ферму для содержания этих зверей в неволе, но возник конфликт с Исаковым и Шапошниковым, признавшими эту тему ненужной. Об этом был большой спор в Научном Совете Главка между Мантейфелем и Гептнером. И хотя последний согласился с доводами, тему Костина все-таки сняли, кабарожий питомник на Алтае ликвидировали, а зверей отправили в Московский зоопарк, где они вскоре погибли. Костин же, после окончания трехлетнего договора был вынужден отправиться в путешествие на плоту по Бие со всем семейством, которое увеличилось еще на сына Бориса. Его теща (бабушка академика В.Е.Соколова) и младший сын Стасик не перенесли этого пути и умерли в дороге, сам же он более в заповедниках не работал. Работы свои Костин не публиковался, а его опыт разведения кабарги в неволе отражен, как отмечает Ф.Р.Штильмарк, лишь в отчетах. Позднее этой темой увлеклись в “Столбах”, но как прижизненно получать мускус в кабарожьем питомнике, оставалось загадкой.

За год до начала войны, в середине июня 1940 года в Алтайский заповедник из Томска был направлен в должности ст. научного сотрудника Г.Д.Дулькейт. В истории заповедника 1940-1951 годы считаются “эпохой Дулькейта”. Георгий Джемсович был уникальным человеком и ученым с интереснейшей и богатой биографией - потомок шотландцев, польских и русских дворян, он всегда оставался “неблагонадежным” для советской власти, что и послужило причиной освобождения его от участия в войне. Ссылать же дальше Яйло было уже некуда - на юге озера стояла погранзаезда. С биографией Г.Д.Дулькейта читатель познакомится в главе о знаменитых исследователях озера.

Буквально на следующий день после приезда Г.Д. Дулькейта в пос.Яйло зам. директора по науке В.Ф.Исаков с согласия Главка передает ему свою должность. Директора М.П.Журавлева вскоре заменяет Н.А.Осиевский. Все сведения о заповеднике в годы войны сообщил автору в письме сын Георгия Джемсовича - Т.Г.Дулькейт и рассказали жители пос.Яйло.

Военные годы

К началу войны, в заповеднике из “старожилов”-ученых сохранилось мало. Разве что братья Федор Дмитриевич и Евгений Дмитриевич Шапошниковы, да еще А.А.Мальшев. Научный отдел состоял в основном из молодых сотрудников: супруги Мартыненко (Михаил и Вера), Маньковский А.В. с женой, Н.С.Лебединова. В начале войны приехал В.Бенкевич. В годы войны почти каждое лето наезжали энтомологи, гидробиологи, паразитологи с Томского университета. В то время томичи изучали клещей-«энцефалитов», а в 60-х - 70-х годах эту тему продолжили в долине реки Кыга уже сотрудники МГУ.

Г.Д.Дулькейт организовал для детей кружок юного натуралиста, где ребята учились не только коллекционированию животных и растений, но и занимались фотографией. В коллективе заповедника воцарилась атмосфера добрых и веселых отношений.

Все разрушила война. На фронт по мобилизации и добровольно из заповедника ушло более 60 человек, а вернулись единицы. Ушли добровольцами и погибли Е.Д.Шапошников, А.В.Маньковский, М.Мартыненко. Погиб на войне и работавший здесь в середине 30-х годов А.А.Цвеленьев, который вместе с С.С.Фолитаревым принимал Н.И.Бухарина.

Т.Г.Дулькейт сообщает, что: в самом начале войны заповедник покинул А.А.Мальшев, занимавшийся изучением акклиматизации огородных культур в высокогорье, хотя сам Мальшев в своей книге пишет о том, что весь военный период проработал заместителем директора

заповедника. Экспериментальные площадки были размещены на склонах хребта Торот и горы Корбула. Переговоры с "исследователями" велись при помощи "количества одновременно разведенных костров" в условленное время. После критической статьи в местной прессе об этих работах, А.А.Мальшевым заинтересовалось НКВД. Обошлось без арестов, однако, как следствие, госпоставками зерна и картофеля Турочакский райисполком "обложил" заповедник основательно. Работа на с/х площадках проводилась до закрытия заповедника в 1951г.

А.А.Мальшев вспоминает: Г.Д.Дулькейт "негодовал, видя, как падают вековые деревья под топором наших рабочих, готовящих участки для пашни", конфликтуя с директором Н.А.Осиевским.(Речь идет о пашнях на террасах Яйлю, Чулюш, Беле летом 1940 и 41гг).

Чтобы выжить в те тяжелые годы, уже при А.Д. Черствове, все равно необходимо было развивать подсобное хозяйство. Все военные годы заповедник сеял хлеб - пшеницу, рожь, ячмень, овес, просо, гречиху (в основном в п.Беле, Чулюше и частично в Яйлю). Посевная площадь составляла около 100 га, в то время как в Артыбашском колхозе "Алтын-кель" - лишь около 40 га.

На реках Чеченек и Чулюш мужчины успели построить две мельницы. В Яйлю сеяли лен и коноплю, из которых женщины ткали на изготовленных стариками ткацких станках холст и шили мешки для армии, а для себя - одежду.

В заповеднике насчитывалось около 70 лошадей, из которых около 40 были дважды "мобилизованы" на фронт. Оба раза лошадей до линии фронта сопровождали женщины под началом неугомонной и неутомимой Полины Будуевой - коменданта поселка Яйлю всех военных лет. Весь военный период заповедником руководил Алексей Дмитриевич Черствов (см.ниже).

В поселке Яйлю содержали небольшое стадо дойных коров, свиноферму, птичник-"курытник", гурт овец. Хорошо развиты были огородные культуры - картофель, морковь, свекла, капуста.

Т.Г.Дулькейт в своем письме к автору сообщает, что еще В.А. Бородавкин заложил хорошую традицию снабжать мебелью, построенной в столярной мастерской заповедника, всех сотрудников центральной усадьбы, лесничеств и кордонов (из-за бездорожья мебель в поселок доставить было трудно). Эта традиция сохранилась вплоть до закрытия "первого" заповедника в 1951 году.

Необходимо заметить, что в п. Яйлю во всех трех заповедниках частное строительство запрещено. В этом отношении это был единственный поселок в Алтайском крае. Еще при В.А.Бородавкине было добротное построено великолепное двухэтажное здание, служившее многие десятилетия украшением поселка, и было его символом. В нем размещались управление заповедника, библиотека, клуб и музей. Местные сторожилы утверждают, что контора была построена в 1936 году, в то время как В.В.Дмитриев и некоторые другие авторы указывают на "небольшое здание управления заповедника" в 1935 г. (скорее всего, в 1936 г. было закончено ее строительство).

Развитию музея очень много своего времени и внимания отдал Г.Д.Дулькейт. Главным хранителем музея и таксидермистом высочайшей квалификации был Ефим Макарович Калашников. "Прекрасный стрелок и охотник" – так аттестовал его Т.Г.Дулькейт. В свое время Е.М.Калашников много и долго работал с известным орнитологом П.П.Сушкиным. В музее заповедника хранилась большая коллекция шкур северного оленя, марала, рыси, волка, медведя и почти всех обитателей горной тайги (в т.ч. и чучел). При закрытии заповедника в 1951 году почти все шкуры прекрасной выделки Е.М.Калашникова были затребованы Горно-Алтайскими "владыками", а музей заповедника растащен по музеям Барнаула, Бийска и частным лицам. Е.М.Калашников покинул заповедник в зиму 1945 года, подготовив в поселке несколько своих учеников-таксидермистов, способности которых были направлены уже не на изготовление экспонатов (музей не восстановлен и сегодня, хотя коллекций накопилось достаточно).

В 1944 году по населенным пунктам, заимкам верховьев Бии и берегам Телецкого озера прокатилась очередная волна раскулачивания, ликвидации единоличных хозяйств и арестов. Разгромили поселок Ежон, арестовали шамана Мамата, мудрого алтайского старика, жившего в одиночестве в местечке Нимак-таш, за мысом Куган. Сильно потеснили поселок Самыш - перевалочную базу золотого прииска Кольчак. Прииск в горах продолжал работать - все золотоискатели имели "бронь".

В поселке Яйлю хорошим подспорьем для жителей и, особенно для детей и Турочакского начальства, был сад, заложенный в пос. Яйлю еще в 1936 году первым телецким садоводом

Д.С.Рачкиным. Н.П.Смирнов - садовод, известный на Телецком озере в 50-х - 90-х годах, заложивший свой сад в начале войны, всегда считал себя учеником Д.С.Рачкина.

Первыми садоводами в долине Чулушмана были монахи Благовещенского монастыря, посадившие первые яблони еще в начале века.

Почти обычными продуктами питания на озере всегда были копченые таймени, ускучи, хариусы, сига ("сеledка телецкая"). Прителецкая горная тайга всегда славилась лекарственными травами ("золотой", "маралий", "красный" корень), ягодами (черника, красная и черная смородина, малина, крыжовник, чулушманская облепиха), кедровыми орехами, грибами и, конечно, медом. Пасеки выставлялись на Байказане, в Яйлю, Чулоше, Беле и Чири - в основном по южным и западным солнечным склонам побережья.

Хозяйственная деятельность на отдельных, ограниченных террасами или конусами выносов рек территориях была если и не оправдана с точки зрения заповедности, то неизбежна. И не только потому, что без нее люди в заповеднике просто не выжили бы в те тяжелые годы.

Изучая исторические источники по телецкому озеру, я убедился, что террасы ("солнечные прилавки") Ойер, Байказан, Яйлю, Ежон, Чулюш, Чири (и даже Кокши) использовались под посёлки, сенокосы, пастбища, выращивание хлеба, рубку леса более 400 лет.

Таким образом, нарушение естественного режима там происходило веками. А изъять их из хозяйственного использования, можно было, лишь закрыв лесные кордоны, лесничества и сами поселки Яйлю и Беле или установив там вахтовый режим охраны. После такого радикального решения охрана берегов озера стала бы весьма сомнительной (при росте населения в Артыбаше, Иогаче и долине Чулушмана).

По-видимому, эти территории заповедника уже никогда не будут "естественными", тем более что на них, особенно в "межзаповедные" 1951-1957 и 1961-1967 годы (об этом - далее) интенсивно использовались ядохимикаты, минеральные удобрения, технические средства, велись лесоразработки. Эти участки, занимающие менее 0,5% территории заповедника, были паспортизированы и выделены в "хоззоны" заповедника, каковыми они и являются вот уже минимум 150 лет.

Когда по моей просьбе Т.Г.Дулькейт, давая характеристику сотрудникам заповедника, часто употреблял выражения "отличный охотник, стрелок" - он связывал это чуть ли не аристократическое увлечение с любовью к природе, глубоким ее пониманием и знанием. Это, по сути, было верно для XIX и первой половины XX века. На мой вопрос о сомнительности такой характеристики для работника заповедника, он ответил: - «Сегодня это звучит дико, но Московский Главк заповедников обязывал вести отстрелы волка, медведя, рыси, россомахи, как хищников, наносящих вред заповеднику. Специально разрешалась ловля щуки, уничтожались хищные птицы. Только в Алтайском "первом" заповеднике (1931-1951гг) было отстреляно около двухсот с небольшим медведей» - горестно закончил он. Слов нет, и для приезжих и для местных охотников работа в заповеднике была интересной и прибыльной, но можно ли было тогда называть эти территории заповедными!?

Ф.Р.Штильмарк пишет: «До 1949 г в заповедниках ежегодно добывалось от 134 до 179 волков (за 1937-47 гг их было уничтожено 1161); в 1949 г в 24 заповедниках добыто 243 волка, 12 россомах, 7 харз, 5 рысей, 28 бурых медведя; в 1950 г в Сихотэ-Алинском заповеднике новым методом (с собаками) добыта 31 харза. В заповедниках Севера уничтожено за 1950 г 5626 чаек и поморников, в Астраханском 12217 бакланов. Истреблялись вороны, ястребы, на Севере также орланы. Широко использовались яды против волков». Разве не превратились заповедники в то время в "охотничьи просторы", где "ковались" собственные кадры браконьеров?!

Алексей Дмитриевич Черствов -
директор заповедника эпохи военных лет

В самые тяжелые военные годы Алтайский государственный заповедник возглавлял Алексей Дмитриевич Черствов. Инженер по образованию, он был знатоком и ценителем природы. Прекрасно знал и любил Аксакова, Тургенева, Сабанеева и многих других писателей, воспевавших природу. Еще в дозаповедные годы он увлекался охотой и слыл отличным стрелком и удачливым рыболовом-спиннингистом. На его плечи легло тяжелое бремя организации хозяйственной деятельности и буквально - выживание заповедника в условиях военного времени, когда почти 90% активного мужского состава ушло на фронт. При этом Алексей Дмитриевич постоянно уделял внимание и активно способствовал развитию научных исследований и

наблюдений - редчайшее качество для директоров заповедника за всю более чем 70-летнюю его историю. Черствов помогал и поддерживал Г.Д.Дулькейта во всех его начинаниях. Думаю, такого творческого тандема «директор-зам. по науке», надо поискать во всей заповедной системе СССР и современной России.

Их объединяло редкое сочетание интеллигентности, эрудиции, образованности, добропорядочности, духа аристократизма в лучшем его понимании, душевной доброты, активной позиции в жизни, сострадания к ближним, терпимости, самоотверженности и неумолимости.

Алтайскому заповеднику, как ни одному другому в СССР, повезло в тяжелое время войны и с директором и заместителем по науке.

Алексей Дмитриевич – ровесник XX века. Родился 10.02.1901 года в семье не бедного подмосковного крестьянина. В 1918 покинул семью и ушел служить в Конную армию С.М.Буденного. Воевал на юге России с белыми армиями Деникина и Врангеля. Закончил войну командиром эскадрона. После рабфака поступил в МВТУ имени Баумана, которое закончил в 1929 г, а следом – институт подготовки руководящих кадров, после окончания, которого его назначили директором треста «Электропечь».

В 1939 году Д.Черстова вновь призывают в армию и направляют на финский фронт, где он попадает в плен и чудом остается жив – ему отбили правое легкое. После возвращения продолжает работу в Электропроме. В 1941 году он попросился на фронт, но медики его комиссовала по причине злополучного легкого. Будучи человеком исключительно твердой воли, он просит направить его в Сибирь в Леспром, но по состоянию здоровья и учитывая его широкий кругозор, Алексея Дмитриевича направляют в Алтайский заповедник директором.

В Яйлю А.Д. с женой и полугодовалой дочерью добрался осенью 1941 года и принял угасающее хозяйство заповедника. К весне следующего года жена вылечила его парным молоком, барсучьим салом и алтайскими травами. (Зимой он спал на террасе в спальнике).

В сложных условиях военного времени и отсутствия мужского населения ему самому приходилось на лошадях доставлять продукты на удаленные лесные кордоны заповедника, бороться с браконьерами, работать с топографами, вести сложное заповедное хозяйство. В 1944 году в семье Черстовых родилась дочь Екатерина. Это она направила мне фотографии сотрудников заповедника военных лет и краткие рассказы родителей о Телецком озере и заповеднике..

Весной 1946 года А.Д.Черстов с семьей покинул пос.Яйлю (при этом попал в последнюю жестокую «низовку» у мыса Ажи) направляясь в г.Новочеркасск директором Электровозного завода. Уже через год завод выпускает первый послевоенный электровоз ВЛ-22 и Алексея Дмитриевича «перебрасывают» в г.Кашин Тверской области директором еще не существующего завода электроустановочных материалов.

Сейчас это завод – гигант, где люди до сих пор помнят этого замечательного человека. В начале 1960-х годов Черстов возвращается в Москву. Будучи уже пенсионером, он продолжает трудиться в отраслевом институте электропечестроения. Умер Алексей Дмитриевич в 1972 году.

Достаточно подробно я остановился на биографии этого директора заповедника не только для того, чтобы восстановить о нем добрую память, и не только для того, чтобы более детально осветить военные годы в заповеднике. Я хочу, прежде всего, напомнить современным руководителям заповедников, сколь значительными личностями были их предшественники, не допускавшие никаких компромиссов в деле охраны природы, как понимали они личную ответственность за состояние научных исследований и охраны природы в заповедниках и никогда не устанавливали приоритеты меркантильных интересов и целей.

Послевоенные годы

Практически сразу после окончания войны началось организационное и научное развитие Алтайского заповедника. Этому способствовало и снятие еще в 1944 году с его территории статуса «пограничной зоны», а также увеличение мужской части сотрудников и улучшение финансирования.

В послевоенные годы наиболее заметной фигурой среди директоров заповедника был возвратившийся с войны командир полка А.И.Мартынов. Им была предпринята успешная попытка избавить заповедник от госпоставок зерна и картофеля. Турочакские районные власти отнеслись к новому директору жестко. Тогда А.И.Мартынов сплавился на плоту до Бийска и

выехал в Новосибирск, где прямо в аэропорту встретился с прибывшим туда членом Политбюро Г.М.Маленковым и сумел решить этот важный для заповедника вопрос.

Успешно развивалась научно-исследовательская работа под руководством всеми уважаемого и любимого Г.Д.Дулькейта. Имея основной научный профиль ихтиолога, он великолепно знал мир пернатых и млекопитающих, коллекционировал бабочек и стрекоз, разбирался в моллюсках. Это позволяло всем молодым сотрудникам заповедника опереться на его опыт, получать консультации. Для наблюдателей им была разработана форма ведения фенологических наблюдений и дневника, которые сдавались в научный отдел ежемесячно. На всех кордонах были установлены снегомерные рейки, а на некоторых были проложены даже снегомерные маршруты.

Именно всесторонние знания Георгия Джемсовича позволили 10-летней "эпохе Дулькейта" добиться широких научных результатов. Забегая вперед, отмечу, что, отражая основную научную специализацию руководителей, "второй" заповедник оказался практически лишь "кедрово-лесным", а 70-80 годы "третьего" заповедника-"орнитологически-ботаническим", развиваясь в научном плане успешно и не односторонне.

Всех малограмотных наблюдателей, но больших знатоков природы заповедника, только что возвратившихся из походов по горным маршрутам или проживающих на лесных кордонах и в лесничествах Г.Д.Дулькейт приглашал к себе домой, угощал ужином и часами, иногда до полуночи, слушал их рассказы о "виденном" и "встреченном", тщательно все записывая.

Сразу после войны был построен еще один лесной кордон в Иште (на реке Ойер при впадении в него р.Сутуел), где был организован "полевой стационар" и охранялась территория заповедника от проникновения браконьеров с наиболее заселенного севера.

С ранней весны до глубокой осени и в середине зимы Абаканский участок заповедника и прилегающие к нему прителецкие территории охранялись "вахтовым методом". На 1-2 месяца в тайгу уходили по два лесника-наблюдателя. В то время ими были Т.Г.Дулькейт, В.С.Санаров, Д.М.Молоков, В.П.Пыжанкин, Л.Чирсов. На Абаканском кордоне постоянно проживали с семьями В.Исकिщев, Д.Зуйков, С.Тудашев (продукты питания доставляли «вахтовики»).

В те суровые годы браконьерство не имело широкого размаха, но постоянно беспокоило тувинцы. Причем это "беспокойство", по высказыванию Т.Г.Дулькейта осуществлялось на всем протяжении восточной границы заповедника, начиная от озера Джулу-коль и кончая Абаканским участком, в основном в период "пантовки" маралов (июнь) и "белкования" (сентябрь-октябрь). Охотились тувинцы группами по 6-12 человек, имели каждый по две лошади и вооружены карабином и "мелкашкой"каждый. Их обезоруживали, отбирали добычу и, составив акт о браконьерстве в заповеднике, выдворяли с территории, сохраняя им лошадей. Оформлялось дело в суд, которое всегда заканчивалось "ничем". Не налапались даже штрафы, зато к актам, по словам Дулькейта, в следственных органах "придирались" за малейшую неточность в оформлении. В те времена это можно было объяснить только что (1944 г.) состоявшимся вхождением Тувы в состав СССР. Но это браконьерство и отношение к нему официальных органов продолжается и поныне. Проблема, скорее всего заключается в "национальном вопросе".

Как правило, тувинцы подчинялись молча, не оказывая сопротивления. Однажды Т.Г.Дулькейт случайно попал к ним на их стан в Туве. Встретили его в целом приветливо. Почти каждый тувинец даже на охоте играет в национальные шахматы, фигурки которых вырезаны из мягкого камня. Пешками служат фигурки собачек, а со стороны противника - баранов. Остальные фигурки изображают также животных и мифических существ. Правила игры почти те же. Охотники и следопыты они отменные и многими своими наблюдениями охотно делились с Т.Г.Дулькейтом.

Я всегда был убежден в том, что ни алтайцы, ни тувинцы, ни хакасы никогда не считали территорию заповедника чем-то созданной им во благо (расселение промысловых зверей на их территории). Они твердо были убеждены в том, что Москва забрала веками принадлежавшую им землю, где охотились их предки.

Все мои попытки убедить многих директоров заповедника начинать решать "национальный вопрос" на границах заповедника не увенчались успехом. Все грозные аншлаги на границах написаны только по-русски. Нет ни одного с обращением к охотникам и разъяснением целей и задач заповедника на их родном языке. Многие определяли и "верхние" руководители колхозов, совхозов, районов и Республик, желавших вернуть хотя бы часть заповедника для пастбищ. В 90-х годах появились не лишние здравого смысла предложения о создании на границах с заповедниками "охраняемых зон", где в местных заповедниках сохранился бы веками

сложившийся национальный образ жизни и охоты. За жителями закрепляется территория “охранной зоны” и они становятся ревностными хранителями границ заповедника, но их не пересекают.

Заккрытие «Первого» заповедника

В январе 1950 г на пост руководителя Главного управления заповедников при Совете Министров РСФСР был назначен А.В.Малиновский, занимавший в 1945-49 гг пост начальника лесного отдела Советской Военной Администрации в Германии.

К тому времени все заповедники уже получили “лесохозяйственный уклон”.

С именем Малиновского связана вся трагедия разрушения заповедной системы страны, о которой я уже писал в самом начале главы. Это он возглавил карательную акцию против заповедников, созревшую в Минлесхозе и Правительстве СССР.

В те годы, пишет Ф.Р.Штильмарк, гибнущему заповедному делу страны спасательный круг бросила лишь Академия наук СССР. Инициатива исходила от академика В.Н.Сукачева - директора Института леса, одного из последних подлинных классиков биологической науки. В системе АН СССР была создана Комиссия по заповедникам, которая взяла на себя методическое руководство НИР в заповедниках страны.

В только что закрытых заповедниках уже хозяйничали лесорубы. В северной прителецкой части было создано Яйлинское и Белинское лесничества Телецкого лесхоза, позднее преобразованного в Горно-Алтайский опытный лесокомбинат (см. главу “Кедроград”).

В то время, пишет Ф.Р.Штильмарк, чуть ли не поголовное истребление животных происходило на территориях бывших заповедников на Алтае, Кавказе и Дальнем Востоке.

Вот как это происходило в северной части бывшего Алтайского заповедника (факты взяты из письма автору Т.Г.Дулькейт).

Год спустя после закрытия заповедника в зиму 1952-53 гг Горно-Алтайский облисполком, руководствуясь сомнительной информацией о накоплении на бывшей территории заповедника “огромных масс маралов”, которым якобы угрожает эпидемия, разрешил их отстрел.

В Турочакский райисполком тогда поступило около 800 лицензий, но отстрел производился в основном на зимних стоянках маралов на территории закрытого заповедника в бассейнах верховьев рек Ойер, Юрга, Чеченек и на склонах северного побережья Телецкого озера от мыса Карагаш до Камгинского залива включительно.

“Это было похоже на бойню”, - пишет Т.Г.Дулькейт, работавший в ту зиму инспектором охраны леса Телецкого лесхоза, занявшего северные территории закрытого заповедника. Зима была многоснежной. К маралам на лыжах подходили вплотную и расстреливали в упор уставших от преследования и утопающих в снегу животных, независимо от возраста и пола.

Лицензии выдавались специально организованным бригадам. Жители поселков Кебезень, Артыбаш, Яйло убивали маралов столько, “сколько им надо было”.

Т.Г.Дулькейт со старшим лесничим Н.М.Вяткиным несколько раз направляли письма в Крайлесуправление с предложением незамедлительно принять меры по сокращению выдачи лицензий на отстрел маралов.

Много возмущенных писем в адрес областных и районных властей поступило от учителей и некоторых местных жителей - интеллигентов.

Власти все же прореагировали на эти письма прекращением отстрелов, но уже после смерти Сталина в марте 1953 года. Как и в прежние времена, началась “рубка кадров”, хотя уже без арестов и ссылок. В Горно-Алтайске, Турочаке, Телецком лесхозе “полетели головы”.

Пострадали Т.Г.Дулькейт и Н.М.Вяткин - их уволили с работы “со страшной формулировкой”. Руководство Крайлесуправления тогда заступилось за них, предъявив в областные органы их письма, где они требовали незамедлительного сокращения выдачи лицензий на отстрелы маралов. Но жесткую формулировку увольнения всего лишь сменили на “собственное желание”. Власти всегда умели находить “стрелочников” и “крайних”.

Но массовый отстрел маралов на территории закрытого Алтайского заповедника не был последним аккордом в его “лебединой песне”. Заповедник, обитателей его тайги, жителей поселка Яйло и все его 4 лесничества ждали новые испытания.

3.4. «Второй» Алтайский заповедник (1958-1961 гг)

Жестокая идеологическая система после смерти Сталина в 1953 году начала постепенно видоизменяться, приобретая более либеральные формы. Наступила кратковременная «хрущевская оттепель», послужившая как бы «светом в туннеле» для природоохранных и научных общественных организаций.

Вскоре состоялось совместное заседание Всероссийского общества охраны природы, Московского общества испытателей природы и Московского филиала Географического общества СССР, которые предложили совместную программу «О заповедниках и перспективах заповедного дела в СССР», благожелательно поддержанную Академией наук СССР, и не обойденную вниманием правительства страны.

При Совмине РСФСР создается (19.05.1955 г) «Главохота» с отделом заповедников. (Эта система просуществовала до 1988 г, когда было создано первое министерство по охране природы). Научную группу отдела заповедников Главка в тот год возглавил бывший научный сотрудник Алтайского заповедника Петр Борисович Юргенсон.

«Эпохе Малиновского» наступил конец, но он ухитрился все же, как отмечает Феликс Робертович Штильмарк, организовать из Крымского, Азово-Сивашского и Беловежского заповедников - охотничьи хозяйства. Параллельно продолжало существовать Управление по заповедникам и охотничьему хозяйству при Минсельхозе СССР, где классическая концепция заповедности всегда игнорировалась.

По ходатайству областных (краевых) властей начинается восстановление заповедников, закрытых в 1951 году. К этому процессу подключается Верховный Совет СССР. Восстанавливаются одновременно и площади ранее урезанных заповедников.

В 1958 году открылся «второй» Алтайский заповедник, но уже без Абаканского участка. Его возглавил бывший директор Воронежского заповедника Василий Васильевич Криницкий. Это был неординарный человек, позже (в начале 70-х годов) возглавивший Главк заповедников Минсельхоза СССР и во многом определявший стратегию заповедного дела страны в 70-е годы.

По образованию - химик, по психологии и характеру - прагматик, по опыту, интересам и научным увлечениям - универсальный специалист в заповедном деле, он дал «второму» Алтайскому заповеднику научно-прикладную приоритетную специализацию «охраны и рационального использования кедровых лесов Горного Алтая». Им была разработана самая щадящая технологически и оптимальная экономически концепция рубок кедров, на тридцать лет опередившая разработки Красноярского института леса АН СССР. Этот институт почти все те тридцать лет помогал расположенному рядом с заповедником бывшему «Кедроград» уничтожать кедровники Алтая (см. главу «Кедроград»).

Для комплексного изучения кедровых лесов заповедника В.В. Криницкий умело использовал свои добрые отношения с Воронежским лесотехническим институтом, сложившиеся в период его работы в Воронежском государственном заповеднике в 1946-1958 гг, и привлек его научных сотрудников (Александра Дмитриевича Дударева и др.) и студентов для экспедиционных работ в кедровниках Алтая.

Твердому и решительному, с деловой хваткой человеку, ему, тем не менее, не просто было восстановить в поселке Яйлю дух заповедности. Обитатели поселка чисто психологически продолжали сохранять «охотничье-браконьерский» менталитет. Разобравшись в людях, некоторых оставил вне работы и они уехали. Морально-этических, коллективных нравоучительных бесед проводил мало. Но решительность проявил основательную, убеждая в основном гранитоподобными словами, а не актами о браконьерстве на центральной усадьбе заповедника.

Житель поселка Яйлю алтаец Алексей Телеков рассказывал мне как-то в частной беседе. «Однажды, около полуночи, я тихо на веслах возвратился озером с тайги. Взвалив мешок с мясом марала на спину, я направился к своему дому. На моем пути, как из - под земли, неожиданно из темноты возник Василий Васильевич. На вопрос «что в мешке», я сразу ответил - «мясо!». Дальше беседа продолжалась не более 3-х минут, после которых я унес мясо домой, но в тайгу с ружьем с тех пор не ходил три года до закрытия заповедника». Что именно сказал директор, Алексей сообщить отказался, но предположить можно...

Этот невысокий, плотный, лысый и круглолицый человек убеждал тихо произнесенными словами, не требующими доказательств. Можно лишь сожалеть о том, что В.В.Криницкий не исповедовал классическую концепцию заповедности по невмешательству человека в природные процессы. (Но тогда бы он никогда не возглавил заповедники Минсельхоза СССР).

Ф.Р.Штильмарк: «В.В.Криницкий был очень удачной фигурой для Главприроды (Минсельхоза СССР - В.С.). Базируясь на принципах «заповедного хозяйства» и считая, что невмешательство человека в заповедную природу может привести только к появлению «эталонов деградации» (по его же выражению), он вместе с тем старался соблюсти интересы науки, проявлял подлинную заботу об ученых, стремился им помочь, сдерживая ретивых администраторов-директоров, вообще, был по натуре дипломатом и мастером деловых интриг...» (это уже, работая в Главке - В.С.).

Создавая коллектив нового заповедника, Василий Васильевич пригласил выпускников ведущих университетов и институтов страны. Из Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова: Иван Александрович Коротков окончил несколько лет назад кафедру геоботаника, Лия Петровна Брысова - кафедру общего почвоведения, Лариса Ивановна Барсова и Татьяна Анатольевна Новикова - выпускники кафедры зоологии и сравнительной анатомии позвоночных. Год проработал студент 4 курса той же кафедры - Леонид Попов, в будущем известный режиссер научно-популярных фильмов с международным престижем и режиссер широкоизвестного художественного фильма «Земля Санникова». Из Горьковского государственного университета приехали Виктор Николаевич Воробьев, Валерий Ефимович Михлин, Геннадий Викторович Парамонов. Из Уфимского лесотехнического института - Ильгам Гиниатулович Игтисамов и Владислав Никитович Воробьев. Коллектив был подобран из молодых, всесторонне образованных специалистов, организаторов не только научных исследований, но и быта, и культурного досуга в поселках и на кордонах заповедника. До сих пор старые жители заповедника вспоминают веселые концерты, праздники, хор, научные и популярные лекции, которые устраивали молодые сотрудники заповедника. Ими была открыта в пос.Яйлю вечерняя школа для взрослых.

Два года из трех лет существования «второго» заповедника научную работу возглавлял И.А.Коротков (геоботаник, будущий сотрудник Института леса и древесины СО РАН). Кроме него и В.В.Криницкого заповедник исследовали: Л.П.Брысова - почвовед, Регина К.Кожевникова - зоолог, В.Е.Михлин - энтомолог по вредителям кедра, Т.А.Новикова - энтомолог, Д.В.Житенев и Г.В.Парамонов — териологи по копытным, Л.И.Барсова - териолог по грызунам и насекомоядным, Вик.Н.Воробьев - орнитолог (художник по совместительству). Короткое время работали Бельшев (энтомолог) и Карлин (главный лесничий). Лесной отдел возглавлял Александр Иванович Каляев, лесничества - И.Г.Игтисамов, Николай Александрович Двоглазов, Вл.Н.Воробьев (в последствии, в 70-90-е гг. «переквалифицировался» в академического идеолога уничтожения прителецких кедрочай). Заместителем по хозяйству В.В.Криницкого был не менее решительный и активный Александр Николаевич Филипповский. Из местных жителей за недолгий срок работы второго заповедника был создан профессиональный коллектив лесников - Максим Иванович Анферов, Николай Иванович Андадилов, Василий Петрович Пыжанкин, Николай Прокофьевич Михеев, Владимир Николаевич Смирнов и многие другие. С этими местными жителями озера я общался на протяжении последующих более тридцати лет, узнавал подробности и детали жизни и «первого» и «второго» заповедников.

Из научных сотрудников я хорошо знаком с Л.И.Барсовой, которая будучи старшим научным сотрудником Московского университета им. М.В.Ломоносова, посещала озеро часто в 70-90-е годы с мужем - зоологом Виктором Дмитриевичем Анисимовым и дочерью Ольгой Викторовной Анисимовой - альгологом, защитившей кандидатскую диссертацию по флоре водорослей пресных водоемов Алтайского заповедника по сборам 1991-2000гг.

Мне посчастливилось общаться с Д.В.Житеневым. Он был не только отличным знатоком копытных, но и превосходным фотографом (его снимки публикуются в этой главе). В последствии Дмитрий Валентинович долгие годы работал заместителем главного редактора всесоюзного журнала «Охота и охотничье хозяйство».

В последние годы я переписывался с Лией Петровной Брысовой. Вот как она формулировала научные задачи «второго» заповедника: «Главным содержанием работ явилась организация заповедного режима, разработка мероприятий для восстановления геобиоценозов, нарушенных в результате хозяйственной деятельности человека. Последнее относится к склонам Телецкого озера и долины р.Чолушмана, где бессистемные рубки, выпас скота, и пожары значительно расстроили коренные типы растительности, местами до полного их уничтожения. Так как заповедник расположен в зоне интенсивного развивающегося использования кедровых лесов, это потребовало сосредоточения усилий научного коллектива на решении важнейшей для края проблемы — выяснения состояния, путей рационального использования и способов

восстановления кедровых лесов. На террасах пос. Яйло и Беле были заложены пробные гектарные площади посадок кедра...».

Научный отдел заповедника при помощи лесного отдела организовал в те годы в северной, средней и южной прителецких частях заповедника три постоянных горных профиля - Ойорский, Камгинский и Кыгинский, где на постоянных пробных площадях, заложенных во всех вертикально-зональных поясах, проводили круглогодичные наблюдения за фенологией и плодоношением кедра, по распределению потребителей кедрового ореха (птиц, мышевидных грызунов, беличьих, копытных и хищных животных) и выявлению роли кедра в их жизнедеятельности. В каждом поясе были установлены постоянные площадки с метеоприборами, записывающими колебания температуры и влажности воздуха, осадков, высоты снежного покрова и запасов воды в снеге. Наиболее продолжительно уже и после закрытия «второго» заповедника, и при «третьем» заповеднике проводились работы на Кыгинском профиле. Продолжаются они и сегодня. Профиль охватывает прителецкие горные лесные, субальпийские и тундровые высокогорные зоны заповедника.

Одной из главных, указывает Л.П.Брысова, являлась «задача изучения состояния популяции соболя и факторов, влияющих на динамику численности его». В те годы резко возросла численность этого зверька, исчезнувшего почти полностью в 20-30-х годах; в 40-50-х годах было введено ограничение его промысла.

Заслугой В.В.Криницкого является выход в 1961 году Третьего выпуска трудов заповедника (два первых вышли в 1938г и с тех пор труды не издавались). В этом сборнике помещено 10 основательных научных работ, семь из которых непосредственно касаются проблем кедра. Здесь же были опубликованы статьи А.А.Мальшева о выращивании культурных растений в горно-таежной и альпийской зонах северо-восточного Алтая (эти результаты были получены около 20 лет назад еще в «первом» заповеднике).

Активная научная позиция Василия Васильевича и не менее активная научных сотрудников позволила подготовить и IV сборник. В письме, адресованном автору, Л.П.Брысова сообщает: «Результаты дальнейших наблюдений и их обобщение были подготовлены и сданы в печать. Но, к сожалению, IV выпуск «Трудов» не увидел света». В условиях антизаповедной идеологии тех лет он не имел шансов на публикацию, но мог бы с успехом опровергнуть мнение о «втором» заповеднике только как о «кедро-лесохозяйственном».

Четвертый выпуск трудов заповедника вышел в «третьем» заповеднике (в 1977 г), но это был уже совсем другой сборник, сохранивший лишь номер выпуска, и посвящен он «Явлениям в природных комплексах Алтая, обусловленных вертикальной зональностью».

Разыскать рукописи несостоявшегося IV выпуска трудов заповедника тех лет - важнейшая задача сотрудников нынешнего заповедника. Острота этой проблемы обусловлена еще и гибелью архивов и летописей заповедника при пожаре конторы в Яйло в декабре 1999 г.

В 1961 г научный коллектив заповедника частично распался, частично вошел в состав организованного на горных профилях, полигонах и учетных площадках заповедника Телецкого стационара Биологического института Сибирского отделения АН СССР. Несколько лет сотрудники стационара пытались сохранить систему мониторинга кедровых биоценозов, но отсутствие единого руководства и ведомственные интересы постепенно сделали свое дело, видоизменив направление работ.

Вряд ли кто сомневается в том, что заповедная система страны в 1951 году была разрушена идеями «революционной сессии ВАСХНИЛ 1948 года», а трагедия заповедников в 1961 году вызвана рецидивом той же «лысенковщины», хорошо вписавшейся в рамки хрущевского «волюнтаризма».

Тучи над заповедной системой сгустились уже давно, но непосредственным толчком к закрытию Алтайского, а затем и ряда других заповедников послужила публикация в популярном журнале «Крокодил». История публикации такова.

Главный редактор журнала «Крокодил» всесоюзно известный Мануил Семенов был на совещании в Барнауле, затем участников совещания повезли на Телецкое озеро. В.В.Криницкий был в командировке в Главке в Москве, а заместитель его - молодой и принципиально несговорчивый И.А.Коротков не разрешил выезд на кордоны весьма нетрезвой компании, хотя и был предупрежден ими о возможных последствиях. И, несмотря на последующие попытки дипломатичного В.В.Криницкого уладить конфликт, в «Крокодиле» появился фельетон о том, чем же занимаются сотрудники заповедника - «рубят кедр и считают кольца на пнях!». Потом из

журнала пришел ответ на письмо В.В.Криницкого: «Дорогие товарищи, жизнь показала, что правы были мы. С крокодильским приветом М.Семенов».

Проблема упорядочения сети заповедников была поставлена на заседании Президиума правительства СССР в декабре 1960 года, на котором поручалось ведомствам проверить сеть имеющихся заповедников и дать предложения об устранении существующих «излишеств».

По-видимому, спичрайтеры, готовившие речь Н.С.Хрущеву на пленуме ЦК КПСС, знали об этой проблеме и вложили в уста вождя такие «факты», после которых не закрывать заповедники - означало идти против «линии партии». Примечательно то, что основным «виновником» новой трагедии заповедников страны стал Алтайский, после чего спасти его не мог уже никакой Криницкий или даже академик с «межгалактическим авторитетом».

Вот как описывает Ф.Р.Штильмарк выступление Н.С.Хрущева: «Выступая на пленуме ЦК КПСС 1961 г, Никита Сергеевич сказал, что недавно просмотрел кинофильм о Горном Алтае. В.Борейко считает, что это был видовой документальный фильм «Золотое озеро», снятый известным кинорежиссером В.А.Шнейдеровым по сценарию писателя А.В.Перегудова. Версия эта крайне маловероятна, хотя бы потому, что вряд ли кто-нибудь решился показать руководителю государства черно-белый фильм, да ещё 1934-го года! Чего ради? Кроме того, в «Кинословаре» эта картина называется не видовой, а приключенческой. Скорее всего, Н.С.Хрущев увидел один из свежих действительно видовых фильмов о Телецком озере, которых было снято множество».

«Картина очень хорошо сделана, - говорил Хрущев. - Там показано, как пышущий здоровьем человек, вероятно, ученый - если заповедник, то там все ученые (веселое оживление в зале)... лежит на камне и наблюдает в бинокль, как белка грызет орехи. Потом он перемещает бинокль, и смотрит как идет медведь. Что это за заповедник? Это заповедник для тех, кто там живет. Они и пасутся там, пасутся лучше, чем медведи и белки. Ведь если бы этих людей не было, белка все равно грызла бы орехи. Ей-то безразлично, есть там ученый или его нет. Но разница в том, что она грызет теперь орехи под наблюдением ученого, а ученый за это деньги получает и хорошие деньги (веселое оживление в зале). Что такое заповедник? Это богатство народное, которое надо сохранять. Но у нас нередко бывает так, что заповедниками объявляются такие места, которые не представляют никакой ценности. Надо навести порядок в этом деле. Заповедники должны быть там, где необходимо сохранять ценные уголки природы, вести там действительно научные наблюдения. Такие заповедники, представляющие научную и государственную ценность у нас, конечно, есть. Но значительная часть теперешних заповедников - это надуманное дело. Что произойдет в лесах, если там не будет заповедников? Ничего. Природу надо, конечно, беречь, охранять, но не путем создания заповедников с большим штатом обслуживающих их людей» (???)».

Новая трагедия заповедного дела в стране была предрешена. На речь Н.С.Хрущева по неписанным правилам идеологии обязана была прореагировать местная власть и она не заставила себя долго ждать. Алтайский крайисполком письмом от 06.04.61 г рапортовал Совмину РСФСР: "Крайисполком, рассмотрев работу Алтайского госзаповедника, считает критические замечания товарища Хрущева Н.С. в адрес заповедника правильными. Состояние и организация работы заповедника не отвечает целям и задачам по рациональному использованию природных ресурсов и их охране. В целях более полного освоения природных богатств и увеличения материальных ресурсов, необходимых для развития народного хозяйства края Крайисполком просит Совет Министров РСФСР ликвидировать Алтайский госзаповедник - с восстановлением Телецкого лесхоза, передав его в ведение Главлесхоза РСФСР для правильного ведения лесного хозяйства и рационального использования кедровой тайги».

Те, кому доводилось видеть воочию результаты сплошных рубок в кедровниках Алтая (Сибири, Саян, Прибайкалья, Дальнего Востока), поймут, что скрывается за словами «рациональное использование кедровой тайги» Главлесхозом. Кстати, по всему Алтаю рубили кедр именно предприятия этого ведомства, а не Минлеспрома СССР. Когда планировалось восстановление Алтайского заповедника в конце 50-х г, важным доводом была нерентабельность и расточительность Телецкого лесхоза, затраты государства на его содержание не шли ни в какое сравнение с расходами на заповедник.

Посетив Телецкое озеро сразу после закрытия «второго» заповедника (1962 г.) и начав работу на озере в 1965 году, я воочию убедился, как Телецкий лесхоз рубил лес по бассейну Ойора, ранее входившему в состав заповедника, складывая кедровые бревна на льду отмелей озера и выводя плотами заготовленные кедровые бревна из Яйло - до 3 тыс.м³ в год.

Ф.Р.Штильмарк указывает на окончательные последствия очередной трагедии заповедников. В изложении В.Борейко последующие события развивались так: Совет Министров Российской Федерации принялся усердно выполнять указания сверху, наметив ликвидацию 11 заповедников Главохоты РСФСР из 25 имевшихся в то время. Далее предлагалось существенно сократить площади еще трех заповедников, уволить 163 научных сотрудника из 200 имевшихся. «Аппетит российского правительства разжигал начальник Главлесхоза РСФСР Бочкарев. Тот самый Бочкарев, который одновременно возглавлял и Всероссийское общество охраны природы и задушил Кедроград, а затем, попавшись на браконьерстве (лов рыбы сетями), и, прославившись благодаря «Крокодилу», был снят с должности».

В 1961 году прекратилась публикация Бюллетеня «Охрана природы и заповедное дело в СССР». Тем не менее, заповедники продолжали существовать в системе Совмина РСФСР, Минсельхоза СССР, Академий наук СССР и республиканского подчинения (в 15 республиках СССР).

В нашей стране всегда были виновниками конкретные фамилии, личности, должности, но никогда не осуждалась сама система. Была великолепная Конституция СССР, великие социально-экономические цели, но реализация их осуществлялась безнравственно. Уже давно назрели в стране затаившиеся национальные проблемы. Мир изменялся под нашим влиянием быстрее, чем мы сами, однако консервативная идеология служила тормозом для экономического развития. Система успешно начала разрушать саму себя. До 1991 года оставалась ровно 30 лет.

3.5. «Третий» Алтайский заповедник (1968 – 2007 гг.)

Моральный и материальный ущерб от разрушения заповедной системы в стране невосполнимы. Во многих заповедниках (Сихотэ-Алинском, Дарвинском, Воронежском, Лапландском, Кавказском и других) заповедные леса на значительных площадях были вырублены.

В 1964 году “хрущевский волонтаризм” подвергся острой критике и автор его был отправлен на пенсию - единственный случай в 70-ти летней практике эпохи социализма, когда “генсек” живым ушел с должности! Появилась светлая надежда на восстановление уже дважды разрушенной системы заповедников страны.

Во второй половине 60-х годов в обоих главках заповедников с участием видных ученых ведутся острые дискуссии о “полной” и “неполной” заповедности, о доступе туристов и хозрасчете в заповедниках и т.д.

В эти же годы впервые после 20-х годов конкретизируются концепции “заповедников” и “национальных парков” и подчеркивается их принципиальное различие и несовместимость.

В 1966-68 гг восстанавливаются вторично Жигулевский и Кроноцкий заповедники. “Третий” Алтайский заповедник формально открывается осенью 1967 года, но фактически его открытие правильнее отнести к марту 1968 года. По договоренности с властями области и Горно-Алтайским опытным лесокомбинатом (бывшим Телецким лесхозом и Кедроградом) на территории заповедника охотники-собольники остались в тайге до весны 1968 года, да и лес по Ойеру в этот сезон рубили. Недалеко от Яйлло в декабре 1967 г в берлоге была спокойна, отстреляна громадная медведица (с которой только медвежьего жира взяли 70 кг), а в Беле в сентябре-декабре во всю “белковали” и “соболевали” лесники.

Интересная деталь, связанная с открытием “третьего” заповедника. Известный гидрометеонаблюдатель - садовод Н.П.Смирнов еще двумя годами раньше направил письмо второму человеку в нашем государстве, главному идеологу КПСС М.А.Суслову, с братом которого Н.П.Смирнов в 1922 году учился на “рабфаке”. Я сам читал ответ М.А.Суслова Н.П.Смирнову, где обратил внимание на такие слова (после рассказа о судьбе брата, погибшего на войне): “Ваше предложение об открытии Алтайского заповедника передано в правительство на рассмотрение...”. Я далек от мысли считать Николая Павловича открывателем “третьего” заповедника, но письмо М.А.Суслова, по-видимому, способствовало включению Алтайского заповедника в число первых восстанавливаемых.

Территория заповедника в районе Телецкого озера в целом сохранилась в границах “второго” заповедника, но по Чолушману Алтайские власти сумели оттеснить границу от берегов реки вглубь гор, сохранив за собой летние пастбища и зимние стоянки. В верховьях Чолушмана левобережные притоки Богояш и Каракем сохранились в заповеднике, но значительные площади по правобережью бассейна Чолушмана ниже Язулы, устьев Шавлы и Чульчи остались за

совхозами и колхозами Улаганского района. Всё устье Чолушмана – место концентрации прохода рыб на нерест - у заповедника забрали (граница по р.Муз “ушла” в горы).

В поселке Яйло сохранилась добротная, времен еще “первого” заповедника, двухэтажная контора, служившая украшением поселка и показателем его “солидности”. Работали: школа 4-х летка, медпункт, клуб, библиотека, почта с радиосвязью, два маленьких магазина, отличная поселковая баня (своеобразный “клуб охотников и рыбаков”). В заповедник перешла хорошая хозяйственная база - столярная мастерская, пилорама, кузница, тракторный парк с гаражом, конюшня с полутора десятками лошадей. Теплоход лесокомбинат заповеднику не передал.

В Яйло проживало более 150 человек; в Белинском, Чодринском и Язулинском лесничествах - около 40. Жилые дома в Яйло выглядели вполне прилично.

Таким образом, материальная и кадровая база заповедника не нуждались в первые годы ни в особых вложениях, ни в реконструкции, ни в подборе кадров (лесников и рабочих), что позволяло решать природоохранные и хозяйственные проблемы с первого рабочего дня директора и главного лесничего.

Бывший лесничий Яйлинского лесничества М.Плищенко автоматически принял должность главного лесничего заповедника. Не было проблем с лесниками во всех 4-х лесничествах и на 6 лесных кордонах: большинство их не только помнило “второй” заповедник, но и работали в нем.

На должность первого директора “третьего” заповедника претендовал К.И.Рослик, бывший директор Телецкого лесхоза, заложивший в Яйло и Беле около 100 га садов, но в главке его кандидатура не прошла. По-видимому, опасались “лесохозяйственно-садоводческого” направления в заповеднике.

Становление и развитие заповедника проходило на моих глазах. Я уже жил в поселке почти 3 года до открытия заповедника, а потом почти 12 лет входил в состав его научного совета. Был хорошо знаком с руководителями главка А.М.Шалыбковым и К.В.Сторчевым.

Еще в те годы я обратил внимание на то, что руководители научного отдела в соответствии со своей научной специализацией определяли в заповеднике и ее расцвет. После универсального Г.Д.Дулькейта так и не появился научный руководитель “широкого профиля”, способный быть наставником хотя бы для основных научных направлений, которые вели, как правило, молодые люди.

Директора заповедника - а их за 40 лет (1968-2007) сменилось 11, (за первые 12 лет - четыре) - также не отличались “универсальностью”, подразделяясь на поддерживающих хозяйство заповедника и на разваливающих его, на строителей, на внедренцев технического прогресса и “добытчиков”, на разрушителей центральной усадьбы и хранителей заповедности.

В условиях более чем полугодовой отрезанности от “большой земли и советской власти” неустойчивым ледоставом на озере и заснеженными горами, личность директора, его заместителя по науке и главного лесничего определяли очень многое и служили морально-психологической точкой опоры для жителей поселка, лесничеств и кордонов, которых они именовали или “Обещалкин” или “Словодержец”.

Первым директором заповедника был назначен барнаулец Г.М.Дорохов, который трагически погиб в 1973 году на озере (см. последний раздел главы “Туризм”). Главной его задачей было обеспечить заповедник плавсредствами, наладить отношения с районными и областными властями, добиться финансирования работающего в убыток сада и переломить охотничью психологию жителей (в первую очередь, лесников) на заповедную. Если первые три задачи за первые два года он успешно решил, то четвертую и главную ему решить не удалось. Вынужден был уйти с должности, не решив её, и главный лесничий М.Плищенко.

Эта сложная проблема в заповеднике начала решаться только с приходом на должность заместителя директора по научной работе Э.А.Ирисова. Он был уже известным в Сибири орнитологом, отлично знал Горный Алтай и всегда занимал активную, непримиримую и бескомпромиссную позицию в деле охраны заповедника, всегда принимая радикальные решения. В первые три-четыре года 70%-80% всех заактивированных нарушителей заповедности приходилось на поселок Яйло, но переломить сознание “советскими методами” не удавалось.

Среди лесников оставалось много охотников и отъявленных браконьеров. Практически проблема начала решаться только с их увольнением по собственному желанию и отъездом из поселков и с кордонов. Поймать их на отстреле было почти невозможно. Часто лесничего или даже главного лесничего в совместном походе «ловил» такой охотник, отстреляв маралуху или косулю. Начальнику, отдававшему шашлык у костра, оставалась или активировать (штрафовать,

увольнять и потом опасаться за себя) или “садиться на крючок” лесникам, быть “своим” человеком, или увольняться. Бывало по-всякому...

После гибели Г.М.Дорохова осенью 1973 г Алтайский заповедник возглавил охотовед О.А. Макаров. Это был директор-добытчик, внедренец технического прогресса и хранитель заповедности. Располагая исключительно широкими связями с высокопоставленными советскими и партийными охотниками и рыбаками и такими же завзятыми природолюбями - директорами богатых оборонных заводов, О.А.Макаров организовал в поселке прием телевизионных программ, заложил строительство телефонной линии, снабдил кордоны и лесничества радиостанциями, подвесными моторами и лодками, открыл аэропорт-вертодром, за который одновременно получил в одном приказе главка выговор, а в другом - благодарность, закончил строительство пекарни, обновил двигатель на теплоходе и на электростанции, запросто решал проблемы школы и детского сада, организовал заброску вертолетами мобильных отрядов по охране самых удаленных уголков заповедника, помогал научному отделу участвовать в конференциях, издавать труды и т.д. и т.п.

Вскоре его жена родила близнецов, и он вынужден был вернуться в Барнаул, возглавив краевое общество охотников и рыбаков, успев и там построить самое выдающееся в Сибири на то время здание общества с отличной и богатой коллекцией охотничьих трофеев.

Заповедник принял заместитель по науке А.В.Галанин. Почти классический пример, когда высокий профессиональный уровень ученого-исследователя, степень кандидата биологических наук, в общем-то, талантливого и известного ботаника, ни в коей мере не смогут родить в нем делового директора-администратора, способного организовать работу заповедника. За полтора года он растерял почти все, накопленное его предшественниками. Не смог воспользоваться даже личной встречей в неформальной обстановке с первым секретарем крайкома Аксеновым (у него на даче жарили вдвоем картошку, пили водку и готовились организовать ему с дочерью отдых на лесном кордоне).

А.В.Галанин стал примером “директора-разрушителя” и вскоре вынужден был покинуть заповедник, направившись со своей многодетной семьей в один из заповедников на Байкале, а затем и Дальнем Востоке. Но заслугой его остается создание школы ботанических исследований в Алтайском заповеднике, которую развил, расширил и даже в чем-то превзошел своего учителя “бессребреник” пунктуальный, настойчивый и деловой, бескорыстный ученый без звания, много сил отдавший для работ сотрудников Н.И.Золотухин.

В 1977 году заповедник возглавил ихтиолог Института биологии и биофизики при Томском университете А.Г.Зимин, “зарыблявший” сигом многие высокогорные озера Алтая. Немногословный, даже молчаливый, всегда спокойный, он оставил за собой имя “Давида-строителя”. Сразу приступил к строительству уже почти развалившихся домов на 4-х лесных кордонах и в 3-х лесничествах. Отремонтировал впервые за 40 лет двухэтажную контору и с десяток жилых домов 30-х годов, заложил новую школу-восемилетку, построил новую улицу в поселке с жилыми домами и восстановил сгоревшую поселковую баню.

Его добрые отношения с вертолетчиками успешно помогали вести работу с удаленными лесничествами. Он реализовал задуманную еще О.А.Макаровым телефонную связь, что позволило заповеднику и поселку войти на какое-то время в “большой мир”. В 1981 году он уехал в один из северо-уральских заповедников, где успешно взаимодействовал с властями и продолжая свою специализацию “директора-строителя”.

Некоторое время обязанности директора исполнял главный лесничий заповедника С.П.Кученко, пока не уехал со своей многочисленной семьей в европейскую Россию. Его сменил профессиональный авиалесоохранник Н.А.Лукашев, проработавший директором дольше всех своих предшественников (с 1982 г по 1991 г). По молчаливости, да и по характеру он напоминал А.Г.Зимина. Также успешно использовал вертолеты для заброски материалов в удаленные лесничества и мобильную бригаду лесников. Вторую половину своего периода работы провел за пределами центральной усадьбы, стараясь стать “доставалой” уже одряхлевшего макаровского оборудования и транспортных средств, но дело продвигалось не столь успешно. Заповедник хирел на глазах и грянул обвальный 1992 год.

Заповедник принял академический дальневосточник-романтик, интеллектуал, фотохудожник, одновременно человек далеко не бескорыстный и своевольный А.М.Паничев. Он был “варягом”. Абсолютно не считался с мнением жителей и сотрудников заповедника. Попав в струю чиновничьего произвола, свойственного тому времени, не учел консерватизма жителей. При первых же нарушениях экономического характера по настоятельному и справедливому

требованию не менее консервативного руководства Республики Алтай был снят с должности московским Главком.

Его заменил С.П.Ерофеев, которого с полным основанием можно назвать «воспитанником Алтайского заповедника». Охотовед по образованию (Иркутский СХИ), он после трехмесячного испытательного срока работы в хозотделе – рабочим древоколом был принят в 1979 г в лесной отдел заповедника техником-лесоводом сначала Яйлинского, а потом Белинского лесничества, где два года прожил на кордоне Чири. Ценитель и знаток горной тайги, отличный ходок по ее трудным тропам, в 1983 г был назначен лесничим мобильной патрульной группы, а в 1992-1993 гг возглавлял отдел охраны. «Наказанный должностью» директора Алтайского заповедника, он отбывал в явно «не золотое десятилетие» 1993-2003 гг.

Заповедник Сергей Петрович принял «на дне» экономического спада. Начал понемногу применять полурадикальные меры по сохранению заповедности, он тут же испытал на себе свойственное новому времени давление – сначала ему сожгли стог сена, а потом и баню. Как и ниже упомянутого Стахеева, эпоха чиновничьего произвола надломил этого доброго и ровного в отношениях со всеми человека, хотя, в конечном счете, оба они оказались в лагере «обслуживающего персонала» тех самых чиновников (нужно было выживать).

Несомненным талисманом Сергея Петровича, позволившим ему пройти путь от древокола до директора заповедника, была его верная жена – умный и добрейший души человек, красивая женщина, безропотно, без нытья и высокомерия, спокойно и даже весело с двумя маленькими детьми разделявшая с мужем трудные условия быта не только в пос. Яйлю, но и в глухом таежном углу на кордоне Чири. Я специально адресую эти добрые слова «декабристке» Людмиле Ивановне Вильдяевой (Ерофеевой), как пример для жен большинства директоров заповедников и многих приезжих сотрудников, разделивших их судьбу, в том числе и печальную. Не каждому в жизни посчастливилось иметь надежные тылы.

В тех условиях жена директора – это профессия, ею в совершенстве владеют только умные и благородные женщины. К таким женщинам я отношу и жену директора заповедника О.А.Макарова – Ольгу Васильевну и супругу Г.Г.Собанского – Надежду Степановну.

Задуманный еще А.М.Паничевым перевод управления заповедника в пос.Артыбаш и переведенная туда С.П.Ерофеевым часть научного отдела, бухгалтерия и теплоход теперь уже не вызвали сомнений в деградации поселка Яйлю. Без конторы (сгоревшей) центральная усадьба как бы осиротела. Когда-то «по числу на душу населения» кандидатов наук, научных сотрудников и генералов (в пос.Яйлю почти 30 лет жил генерал-майор запаса Холод М.Д.) поселок Яйлю занимал, по-видимому, первое место в Сибири. Сейчас он сохранился лишь как лесничество, научный стационар заповедника и база Озерной станции (Станции комплексного фонового мониторинга).

Новая социально-экономическая система требовала разработки новой стратегии охраны природы и организации исследований. В консервативном заповеднике это понимали единицы.

Научные исследования в “третьем” заповеднике

Заповедная наука начинает разворачиваться с назначением в 1969 году на должность заместителя директора по науке высокопрофессионального орнитолога Э.А.Ирисова. В научном отделе в течение первых двух лет появляются ряд увлеченных и толковых сотрудников, определивших на десятилетия вперед развитие исследований и ежегодную подготовку “Летописи природы”. К ним я уверенно отношу орнитолога В.А.Стахеева, герпетолога В.А.Яковлева, микромаммолога Ю.Ф.Марина и ботаника Л.В.Марину, географа О.А.Шематанову, гидробиолога А.В.Овчинникова, териологов В.А.Шилова и В.В.Баскакова, орнитолога Н.Л.Круглову (Ирисову).

Все вышеназванные исследователи в 1969-75гг создали “золотое зоорнитологическое пятилетие” в Алтайском заповеднике, но в ювелирной научной “оправе” Э.А.Ирисова.

Особо хочу отметить В.А.Стахеева. Талантливый и увлеченный исследователь, порядочный человек, эмоциональный и поразительно выдержанный и деликатный, он был избран секретарем партийной организации после ухода Э.А.Ирисова. Атмосфера заповедности и доброжелательности отношений в поселке продолжала налаживаться. В январе 1980 г В.А.Стахеев принял научный отдел Саяно-Шушенского биосферного заповедника. В тяжелые 90-е годы, когда заповедное дело начало разрушаться уже не только экономически, В.А.Стахеев возглавил Общественный Совет Ассоциации заповедников Сибири, проявив громадную самоотверженность в отстаивании и сохранении концепции заповедности, как таковой. Но

сломать произвол директорского корпуса ему не удалось, и он ушел в рядовые научные сотрудники, дипломатично уйдя от заповедных проблем, продолжая жить по известному принципу: если ты не можешь изменить мир – меняйся сам.

В 1975-85 гг с приходом к руководству научным отделом заповедника ботаников А.В.Галанина, а следом и Н.И. Золотухина состоялось и «золотое ботаническое десятилетие». Неизменным «атрибутом» научного отдела в это время продолжал оставаться лишь В.А.Яковлев со своими лягушками и змеями.

Заметный след в эти годы в заповеднике оставили зам. по науке энтомолог А.И.Олигер и гидрохимик Т.А.Олигер, териолог И.А.Филус, географы А.Б.Вишерский, Л.И.Вильдяева (Ерофеева), орнитолог и географ Н.А.Малешин, лесовод Ю.Г.Петров, микромаммолог И.Н.Ветлугина, энтомолог В.Н.Дремин, гидробиолог С.П.Плучевский, ботаник И.Б.Золотухина, геоморфолог В.В.Бутвиловский, многие из которых вскоре покинули заповедник.

В тяжелые 90-е годы продолжают трудиться в сложных экономических условиях ведущий научный сотрудник к.б.н. В.А.Яковлев, зав. музеем И.А.Филус, орнитолог О.Б.Митрофанов, географ И.П.Кислицын, териолог М.Ю.Пальцын, лесовод М.Б.Сахневич, микромаммолог А.Н.Таран, ботаник Е.Ф.Королева, оператор ГИС О.В.Веселовская, зоологи Е.А. Горбунова, В.Н. Захарченко. Руководили наукой Е.И.Анисимов, Ю.В.Захарченко, И.С.Денисова.

Многие воспитанники научного отдела выросли и сегодня определяют заповедное дело во многих заповедниках страны. К ним в первую очередь можно отнести таких талантливых и самоотверженных исследователей, как уже упоминавшиеся В.А.Стахеев, Ю.Ф.Марин, Н.А.Малешин, Н.И.Золотухин, А.В.Галанин, А.И.Олигер, которые вышли из научной школы Алтайского заповедника или дополнили и расширили ее.

Следует отметить, что с закрытием “второго” заповедника многие работы не были прекращены и осуществлялись их исполнителями в организованном на берегу Телецкого озера стационаре Биологического института СО АН СССР; продолжалось изучение плодonoшения кедра Новосибирским отделом Красноярского института леса СО АН СССР (Вл.Н.Воробьев), исследования экологии мелких млекопитающих Л.И.Барсовой и Т.А.Новиковой. В прителецком районе проводились комплексные работы по изучению природы заповедника, в которых участвовали Ю.В.Дроздова, М.С.Давыдова, В.Ф.Сапегина, И.В.Лукьянова, Ю.С.Равкин, Б.С.Юдин, Г.Г.Собанский Ю.Н. Литвинов и другие сотрудники Биологического института СО АН СССР.

Носящие мониторинговый характер наблюдения за живой природой были начаты после восстановления “третьего” заповедника, начиная уже с 1970 года.

В наиболее характерных участках были заложены учетные, пробные и фенологические площадки и маршруты, модельные участки, вертикальные профили разных экспозиций, на которых отслеживались жизненные циклы растительного и животного мира.

Обширные материалы по инвентаризации фауны наземных позвоночных животных были получены в ходе комплексных экспедиционных работ, проводившихся сотрудниками заповедника в 1972-74 гг. Тогда были получены данные по распределению амфибий и рептилий, ранее практически отсутствующие. Значительно пополнился список видов обитающих, залетных и пролетающих птиц в заповеднике. В больших объемах были проведены учеты мышевидных грызунов в верховьях Чулушмана, Чульчи, а затем на хребтах Куркурек и Теты-коль.

В эти же годы подтвердились данные по обитанию в заповеднике ирбиса и архара - видов, внесенных в Красную книгу СССР.

Были проведены исследования по эколого-физиологической адаптации птиц к условиям высокогорий Алтая. Следует отметить группу ботаников заповедника, которые, изучая его флору дифференцированно по 33 микрорайонам, получили ценнейший материал по ботанической географии, экологии растений, выявили новые местонахождения многих редких в Сибири и на Алтае растений. На 626 видов пополнился список сосудистых растений заповедника, составленный ботаниками в 30-40 годы.

Объем собранного гербария достиг 20 тысяч листов. Многие дублиеты были переданы на хранение в центральные Гербарии: Ботанического института АН СССР, Томского университета, Центрального Сибирского ботанического сада, Московского университета и других учреждений страны. Результаты зоологических и ботанических наблюдений нашли свое отражение в

“Летописи природы”, в разделах “Флора и растительность” и “Фауна и животный мир, а также в многочисленных научных публикациях и материалах конференций как регионального, так и союзного уровня.”.

С 1976 г в “Летопись...” включен дополнительный раздел “Редкие и исчезающие виды растений и животных”, а с 1981 г структура книги заметно расширена и приведена в соответствие с требованиями методического пособия “Летопись природы в заповедниках СССР”, разработанного ЦНИЛ Главохоты РСФСР.

В отчете появились такие подразделы как “Новые виды и новые места обитания ранее известных видов; “Флуктуации растительных сообществ”, “Сукцессионные процессы” и др. Раздел “Календарь природы” обобщал фенологические данные наблюдений, как за неживой, так и за живой природой. В 1995 году была подготовлена 25 книга “Летописи природы”. (На конец 2009 г их выпущено 38).

С момента восстановления заповедного режима по договорам о научном сотрудничестве на территории заповедника осуществляют свои исследования ученые ряда ведущих институтов России. Московский университет проводит лабораторные испытания репеллентов с целью выработки мер профилактики клещевого энцефалита. Институт леса и древесины СО АН СССР занимается изучением экологии и физиологии кедра, его орехо- и смолопродуктивности. Биологический институт СО АН СССР проводит исследования энтомофауны кедровых лесов, экологии копытных животных; Институт водных экологических проблем СО РАН – гидробиологические исследования; Алтайский институт садоводства им.М.А.Лисавенко - сортоизучение плодовых культур в условиях лимноклимата на берегах Телецкого озера.

Нельзя не назвать работ по изучению селевой активности в прителецком районе, выполнявшихся Западно-Сибирским гидрометинститутом (В.Виноградов). Были проведены также важные исследования по выявлению ресурсов лекарственных и ягодных растений. Антропогенное воздействие изучалось в рамках специальной многолетней программы в период с 1986 по 1990 гг с представлением ежегодных результатов и итогового отчета.

Природа заповедного участка Восточного Алтая привлекает к себе и иностранных ученых. В 1975 г заповедник посетили участники Всемирного конгресса почвоведов, в 1980 г - участники Всесоюзного гляциологического симпозиума. Сюда приезжали работать биологи из Канады, Венгрии, Польши, Чехословакии. В 1994-2000 гг с научными и познавательными целями заповедник посетили десятки ученых из Бельгии, США, Австралии, Германии, Японии,...

В конце 90-х – начале 2000-х гг. широкое развитие получают исследования по оценке антропогенного влияния на природу заповедника, разработка геоинформационной системы (ГИС), создание программ компьютерной обработки результатов и базовых основ будущего Музея природы заповедника и «Визит-Центра», а также реализация «фотолетописи» Алтайского заповедника.

Эти четыре важнейших направлений в работе научного отдела создали и успешно развивали светлые головы Алтайского заповедника И.С.Денисова, М.Ю. Пальцин, И.А.Филус и фотохудожник Александр Лотов.

Весьма большой научной перспективой для Алтайского заповедника остается получение давно обещанного Главком статуса “Биосферного заповедника”. На большей части территории заповедника, в силу ее труднодоступности, “со дня сотворения мира” никакой хозяйственной деятельности не велось и есть светлая надежда на то, что ее никогда теперь уже и не будет. Но головной болью для заповедника остается браконьерство, сброс на его территорию космических ракет, отсутствие централизованного методического руководства и сверхдефицитное финансирование НИР.

Еще в начале 80-х годов мне пришлось приложить много усилий для организации в заповеднике СКФМ (Станции комплексного фоновое мониторинга), как неотъемлемой части Биосферных заповедников. И когда Главк заповедников уже дал задание готовить паспорт Биосферного заповедника, удалось убедить руководство ЗапСибГидромета и Росгидромета открыть на базе Озерной станции СКФМ, что и было сделано в 1994 году (к сожалению, на фоне инертного отношения к «биосферному» статусу директоров заповедника в 1990-2000 гг).

Международный статус «биосферный» Алтайский заповедник получил лишь в январе 2009 года, благодаря организационным усилиям нового директора заповедника И.В. Калмыкова.

3.6. Грядет ли «четвертый» заповедник?

В самом начале этой главы мы уже указывали на то, что русская, ставшая классической, концепция заповедников, как «Эталонных участков биосферы с абсолютным невмешательством в природные процессы» в СССР начала внедряться лишь на третьей (60-е гг.) волне открытия и восстановления, ранее закрытых заповедников и то лишь в системе заповедников СовМина РСФСР и Академии наук СССР, а в системе Минсельхоза СССР и союзных республик заповедники представляли собою «заповедные хозяйства».

Но грянули неуправляемые 90-е гг., когда после революционного внедрения «необольшевиками» либеральной демократии и экономики стихийно наступили времена «либеральных» заповедников с массовым развитием в них неуправляемого туризма, коммерческого использования территории заповедников и беспредельного браконьерства.

В 1995 году выходит Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях (ООПТ)». В подготовке проекта этого закона участвовали самые высокопрофессиональные и бескомпромиссные ученые-экологи России и раздел закона «Заповедники» в целом соответствует русской классической концепции, хотя и сегодня Минприродой ни организационно, ни методически, ни экономически закон не реализован в полной мере. Надо остерегаться дополнений к этому закону, способных разрушить его ключевую концепцию.

В соответствии с классической концепцией заповедания территорий понятия «природный заповедник» и «туризм» несовместимы, и в Федеральном законе в разделе о заповедниках даже слова «туризм» вы не обнаружите. Тем не менее, на территориях большинства заповедников России в открытой или скрытой форме туризм внедряется (даже в заповедниках, имеющих международный «биосферный» статус - Катунском, Саяно-Шушенском, Кроноцком, Кавказском и др.).

Федеральный закон определяет природные заповедники как государственные природоохранные, научно-исследовательские и эколого-просветительные учреждения. Вот в последней (в целом очень важной задаче экопросвещения) и «зарыта туристическая собака». За счет туризма заповедники пополняют внебюджетный счет, а в условиях бесконтрольности заодно пополняются карманы чиновников. При этом само экопросвещение остается «делом третьим» и им охвачено, как правило, мизерное количество из многочисленных посетителей заповедника.

Тот же Федеральный закон по разделу «Национальные парки» уже предусматривает «регулируемый туризм». Но ведь «национальные парки» и «природные заповедники» имеют различный природо-охранный и научно-исследовательский статус. «Заповедник» или «Национальный парк» – среднего не должно быть, а третьего не дано.

* * *

Мне вспоминается такой случай. Однажды летом 1966 г. мы с телецким генералом М.Д. Холодом поднимались на хребет Корбу по Камгинскому климатическому профилю. Уже на границе леса (около 1600 м над у.м.) мы обнаружили палатку, потухший костер с еще теплым чайником и два загадочных четырехметровых бамбуковых удилица с леской (до ближайшей реки с хариусами было не менее 8 часов хода).

Мы разбили рядом под могучим, но малорослым кедром свою палатку и вскипятили чай. Вскоре в лагере появилась сначала веселая лайка, приветливо облаившая нас, а затем и два не менее оптимистично настроенных и разговорчивых ее хозяев – известный ученый-соболятник В.Н.Надеев и новосибирский студент-биолог.

Виктор Николаевич Надеев – участник экспедиции 1929 г. под руководством профессора Ленинградского университета В.И.Баранова, был человек приветливый, ироничный и неутомимый рассказчик. Оказывается, бамбуковые удилица с петлями из лески были предназначены для ловли соболей, которых лайка загоняла на низкорослые трех-шестиметровые кедры для последующего их кольцевания. За неделю удавалось отловить 3-4 соболя.

В.Н. подсел под наш кедр и стал рассказывать об успехах своей научно-охотничьей экспедиции по ловле и кольцеванию свирепых зверьков. Ведя беседу, он автоматически разгребал своим посохом хвойную подстилку. Вдруг неожиданно и иронично В.Н. воскликнул: «Смотрите – мне посчастливилось на бывшей территории Алтайского государственного заповедника обнаружить стоянку древнего человека «эпохи раннего коммунизма»! Под пологом кедра обнажились...

консервные банки, фольга из-под упаковок чая и прочий мусор происхождения явно не ближайшего года. По-видимому, стоянка «древнего человека» принадлежала туристам, направлявшимся «На Большой Абакан» для сплава по нему.

В те годы за короткий турсезон на р.Б.Абакан и для лечения на Абаканском «Теплом ключе» проходило 3-4 десятка групп, каждая из которых состояла из 4-7 человек, т.е. за сезон проходило 130-150 человек. За два-три дня похода каждая группа только на территории заповедника оставляла 5-7 микросвалок, за сезон – более 200, за десятилетие набиралось более 2000 микросвалок.

Этот эпизод я описываю, как небольшой штрих к проблеме экотуризма на территориях заповедников, за который, к сожалению, ратует даже их главк, хотя закон о заповедниках никакого экотуризма не предусматривает.

Основы «либеральных» заповедников, включающих в себя цели «национальных парков», были заложены в начале 90-х гг. Главком заповедников Р.Ф. в период несостоятельности государства в финансировании их работы. Сначала негласно, а потом и циркулярными письмами, заповедные территории, по сути, рекомендовалось использовать в коммерческих целях (а закон 1995 г запрещает это).

Толчком к совмещению задач природных заповедников и национальных парков послужило еще одно важное обстоятельство. В те же 90-е гг. и тот же Главк заповедников организовал «внедрение западного опыта заповедания», направив в национальные парки Сев.Америки, Европы и Африки значительную (большую) часть директорского корпуса заповедников России. То, что заповедники и национальные парки имеют различный статус, уже не интересовало ни Главк, ни директорский корпус. В природных заповедниках строятся туркемпинги (в том числе частные) и открываются турмаршруты «детские», «экологические», «зеленые», «конные», «рыболовные», а на границах заповедников строятся «охотстационары».

По правилам «индустрия туризма» может развиваться в так называемых буферных охранных зонах, примыкающих к границам заповедников. Кроме того, в интересах решения задачи экопросвещения (приоритетно - для школьников и студентов) в хоззонах заповедников (на центральной усадьбе, где испокон веков осуществлялось сенокосение, заготовка дров, выпасы скота, садоводство, огородничество и т.д.) в лесничествах, на лесных кордонах (расположенных вне территории заповедников) было бы оправданным строительство «Визит-центров» с научным архивом, музеем природы, гостиницей, баней-сауной, летними домиками, кафе-столовой, где бы можно было не только отдохнуть, но и ознакомиться с природными условиями заповедника, подготовить дипломные работы, пройти производственную практику географам, ботаникам, зоологам, гидробиологам, ихтиологам, лесоведам, природоведам и т.д. При этом экопросвещение автоматически становится хозрасчетным, пополняет внебюджетный счет заповедника, дает рабочие места безработным жителям центральной усадьбы, лесничеств, кордонов и дополнительный заработок научным сотрудникам (руководство практикой, дипломами, работа экскурсоводами и т.д.).

В этих «Визит-центрах» можно принимать зарубежных коллег, университетские и академические экспедиции (в рамках научного сотрудничества) и просто гостей заповедника, решая задачу экопросвещения без каких-либо сквозных «экологических маршрутов» через территорию заповедника.

«Либерализация» и «радикализация» русской концепции заповедания территорий в Алтайском заповеднике в 1990-2007 гг.

Ради исторической справедливости необходимо отметить самоотверженную работу рядовых госинспекторов заповедника в эти экономически тяжелые и неуправляемые годы.

По данным моей статистики, только за 1992 – 97 годы было задержано около 40 браконьеров, изъято более дюжины стволов (от карабина до «тозовки»), снято 3 самострела на звериных тропах, уничтожено 550 м рыболовных сетей, снято 436 тросовых петель на кабаргу и медведя и 140 капканов на соболя, изъято 3 резиновых лодки, обнаружено в петлях 24 кабарги, 6 отстрелянных маралов и бун, изъято 22 соболя, заактировано десяток случаев выпаса скота и лесопорубок в заповеднике.

Уже в 2000-е годы было обнаружено 4 охотничьи избушки в верховьях Чульчи и Шавлы. В 2006 году мне пришлось самому участвовать в почти месячной госинспекторской экспедиции на озеро Джулукуль в период нереста. Тогда госинспекторами Е.Затеевым, С.Ильиным и В.Сысовым

задержано 2 автомобильные группы (5 вездеходов), 3 конных и одна пешая группа браконьеров (всего 22 человека). За месяц было уничтожено 430 м рыболовных сетей, около дюжины «мордушек», десятки удочек, острог, ледовых буров, аккумуляторных фар, сотни метров сетевых и электрических шнуров. Если судить по изъятым емкостям под рыбу, тогда был предотвращен ущерб заповеднику в размере 2-3 тонн хариуса и османа. К сожалению, таких длительных экспедиций на озеро Джулукуль за последние 17 лет было организовано лишь две.

Моя память сохранила имена самых неутомимых и самоотверженных защитников заповедника от браконьерского произвола в те годы. К ним я, прежде всего, отношу: Ш. Сибгатулина, П. Фоменко, С. Спицина, В. Труляева, Г. Зубина, И. Савинского, Л. Соколова, Е. Веселовского, В. Кулешова...

Необходимо заметить, что вышеизложенный произвол браконьеров – это лишь видимая часть «айсберга браконьерства». Директорский корпус заповедников страны был озабочен не совершенствованием охраны и научных исследований, а зарабатыванием денег на пресловутом «экотуризме». При этом все лето госинспектора сопровождали группы туристов или собирали деньги на экзотичных объектах заповедника, хотя должны ловить браконьеров.

Известный поэт философски заметил: «Времена не выбирают – в них живут и умирают». Но каждый из нас обязан задать себе вопрос: Совершенствовал ли ты свое время или время определяло твои поступки?!

Вначале 1990-х гг. Федеральный главк почти полностью прекратил финансирование заповедников, выплачивая лишь мизерную зарплату в условиях «снеголавинной» инфляции. Лесничества и кордоны Алтайского заповедника оказались без экономической поддержки, без продуктов, бензина, спецодежды. Прекратилось вертолетное обеспечение. Центральная усадьба осталась без пекарни, бани и без электричества, а озеро – без пассажирского транспорта. Сотрудники и жители центральной усадьбы и лесничеств начали замыкаться в рамках личных проблем выживания, а лесники на кордонах уходили на вольные «хлеба» тайги. На территории заповедника свирепствовали браконьеры.

Заместитель директора по охране С.В.Спицин практически за собственные средства организует природоохранные экспедиции по территории заповедника. На оз.Джулукуль изымаются и уничтожаются сотни метров рыболовных сетей у тувинских и алтайских браконьеров-предпринимателей (возник новый «вид» браконьеров, вылавливающих заповедных хариусов уже тоннами). В долине Чулушмана местные жители осенью и зимой свободно охотятся в заповеднике на белку и соболя, ставят петли на медведя и кабаргу, отстреливают маралов «на пантовке» (июнь) и «осеннем рёве» (сентябрь-октябрь). И Тувинские и Алтайские суды оставляют практически все акты нарушений заповедного режима без санкций и без возмещения ущерба.

В заповеднике почти на каждом лесном кордоне лесники открывают личный туркемпинг, мотивируя это тем, что на заработанные деньги они приобретают бензин, подвесные моторы, заготавливают и доставляют продукты питания на всю долгую зиму («Госсамобслуживание»!).

Неожиданно в заповедном Кыгинском заливе появляется и частная турбаза на 30 мест с конным и рыболовным маршрутами по заповеднику. Поразительно, но отведение земельного участка на федеральных землях заповедника осуществляют муниципальные власти.

В эти же годы в Алтайском заповеднике осуществляется организация очень важного детского экопросветительного туризма, но, используя территорию, транспорт, лесные кордоны заповедника, этот детский туризм превращается в личный бизнес сотрудников, а на внебюджетный счет заповедника не поступает и рубля. (Размывается понятие заповедника, как госучреждения).

Непонятно под чьим прессом – местных или федеральных чиновников - директор заповедника скрыто производит далеко не равноценный обмен 3 000 га заповедных федеральных земель в Улаганском районе на республиканские земли.

В середине 1990-х – в начале 2000-х годов на Телецком озере бурно развивается туризм. Посещение заповедного водопада Корбу осуществляется на платной основе, но бесконтрольность использования этой платы лишь мизерно пополняет внебюджетный счет заповедника, а большая часть ее оседает в карманах сотрудников и чиновников заповедника. Это происходит на фоне отсутствия госсредств на ремонт поселковой электролинии, разваливающихся жилых домов на центральной усадьбе, в лесничествах и на кордонах и при отсутствии тех же госсредств на научные экспедиции, издание трудов заповедника, приборы, спецодежду, бензин и природоохранные экспедиции.

В поселке Яйлю, абсолютно игнорируя законодательство о заповедниках, научный совет по представлению его председателя-директора заповедника, разрешает (впервые за почти 70-летнюю историю) строительство полудюжины частных жилых домов с отводом земельных участков все теми же муниципальными властями. Эта «либерально-экономическая» отсебятина научного совета со временем выльется в жестокие и сложно разрешимые конфликты. Собственно юридической вины частных домовладельцев не просматривается – ответственность лежит на научном совете и местных властях. При этом инфраструктуру поселка (пекарня, гостиница, кафе-столовая, поселковая баня и т.д.) должен развивать заповедник, и она может быть частной, но на договорных условиях с заповедником. Эта инфраструктура отсутствует и сегодня, а попытка частных лиц восстановить ее - игнорируется..

В «третьем» Алтайском заповеднике центральную усадьбу всегда преследовал главный враг – пожары и не только горно-лесные. В разные годы полностью сгорели: школа четырехлетка, поселковая баня, столярная мастерская, красивый 2-х этажный гостевой летний домик на водопаде Корбу, дорогой катер заповедника. Жарким огнем пылали детский сад, магазин, коллективная баня лесников, частные бани и стога сена. Удалось предотвратить возгорание нового служебного здания, радиостанции, теплохода. Почти треть этих пожаров – поджоги (как скрытая месть руководителям заповедника). Сожгли стог сена и поджигали баню и у С.П.Ерофеева, самого «либерального» представителя директорского корпуса.

Но вершиной, огненных несчастий заповедника был пожар, случившийся ночью 22 декабря 1999 года – сгорело дотла двухэтажное здание конторы заповедника, 63 года украшавшее центральную усадьбу и Телецкое озеро. В здании тогда сгорела богатая библиотека, научный архив, ценнейшие зоологические и ботанические коллекции, экспонаты нового музея, незащищенные диссертации научных сотрудников. Сгорел так же оружейный склад, три с трудом добытых компьютера, архив охраны заповедника и личные дела работников вместе с трудовыми книжками... Поселок потерял клуб, киноустановку, музей, контору. Это добротное построенное здание на протяжении многих десятилетий было украшением поселка и озера. Утром центральная усадьба заповедника выглядела обезглавленной и осиротевшей. И сегодня никто в Яйлю не сомневается – это был поджог поселковыми противниками центральной усадьбы заповедника, а может быть и самого заповедника.

Задуманный еще в начале 90-х гг. А.М.Паничевым перевод центральной усадьбы в с.Артыбаш, после знакового пожара начал реализовывать С.П.Ерофеев, переведя туда часть научного отдела во главе с толковым заместителем по науке Ю.В.Захарченко, бухгалтерию и теплоход «Зурбаган» с командой. Поселок Яйлю как «столица» заповедника был обречен.

За счет средств главка в селах Артыбаш и Иогач была закуплена полдюжина квартир. Под контору главком были обещаны средства, а сельсовет зимой 2000 г выделил земельный участок для центральной усадьбы. Причем, как мне сообщил тогда С.П.Ерофеев, главным условием выделения средств под здание конторы было обязательное ее строительство в с.Артыбаш (?)

Если бы средства на ту полдюжину квартир и строительство конторы вложить в ремонт и строительство в Яйлю, то можно было бы сохранить центральную усадьбу в заповеднике. Кроме того, за счет платно пропускаемых через заповедный водопад Корбу туристов можно получать за сезон минимум 2 млн.рублей (если их не разворовывать). Контору в Артыбаше построить не успели, а квартиры заповедник потерял – они были приватизированы. Это было ясно сразу.

В те годы я безрезультатно убеждал и А.М.Паничева и С.П.Ерофеева в том, что надо сохранить центральную усадьбу в Яйлю или перенести её в Горно-Алтайск (в большинстве заповедников России центральные усадьбы расположены в городах или районных центрах). Но, увы!

Примечательно то, что в начале 2000-х годов были построены автодороги в долину Чолушмана (в Язулу и Катуюрык), где расположено ? территории заповедника, а направлять туда круглогодично научные и природоохранные экспедиции теперь необходимо через Горно-Алтайск. (Из Яйлю в долину Чолушмана с ноября по май включительно оперативные экспедиции через озеро связаны с непреодолимыми трудностями).

Сложные отношения у Алтайского заповедника сложились с чиновниками Республики Алтай. Сначала республика, будучи полностью дотационной, не могла помогать федеральному учреждению. Но с конца 90-х начала 2000-х годов поселок Яйлю получает дизтопливо по так называемому «северному завозу».

Турочакский райкомхоз обеспечивает работу поселковой электростанции (он же производит ремонт поселковой электролинии). Успешно работает школа 9-летка. Республика

строит гравийную автодорогу – наконец пос.Яйлю круглогодично обеспечен транспортным сообщением с «большой землей» (впервые со дня «сотворения мира»).

Цели столь эффективного шефства республиканских чиновников над заповедным поселком прояснились 16 марта 2005 г на поселковом собрании, где присутствовал сам Председатель Республики Алтай М.И.Лапшин.

Оказалось, что и перенос центральной усадьбы заповедника в с.Артыбаш, и строительство дороги в пос.Яйлю, и работа электростанции, и «северные завозы» дизтоплива, и ремонт электролинии и «отеческая» забота о жителях Яйлю – не что иное, как желание чиновников республики завладеть 9 000 га прителецких земель заповедника с центральной усадьбой (иначе с какой бы стати вести дорожную автотрассу к «умирающей деревне»)?!

К величайшему моему сожалению идею передачи Яйлю с федеральными землями заповедника муниципальным властям озвучил на поселковом собрании 16 марта 2005 г не кто иной, как бывший директор заповедника Сергей Петрович Ерофеев (!) Для меня это было шоковым открытием (мне пришлось в Новосибирске комментировать протокол собрания федеральным природоохранным органам).

Я не был бы так удивлен, если бы идею передачи заповедного поселка озвучил рядовой лесник, учитель, пенсионер или сотрудник метеостанции. Правительство Республики Алтай наделено правом официально решать подобные вопросы в федеральном правительстве России, а задача защитников заповедника – отстаивать свое право на его защиту. Ведь меркантильность целей противников заповедника и центральной усадьбы – более чем очевидны.

«Эпоха» диктатуры и произвола директорского корпуса

Новую эпоху в истории потенциально «четвертого» Алтайского заповедника создавали два директора - «либерал» С.П.Ерофеев и «радикал» В.Г.Тригубович (хотя начал ее А. М. Паничев). Принято считать, что крайности смыкаются, а истина находится посередине. К сожалению, посередине не истина, а проблема (эта аксиома – сентенция принадлежит не мне, но она глубоко верна и применима в оценке ситуации в Алтайском заповеднике). Либерализм в России породил произвол и вседозволенность, а консервативный радикализм – противостояние, хотя последний и есть продукт первого.

Заповедный «либерал» С.П.Ерофеев по характеру человек добрый, предсказуемый руководитель и неутомимый таежник. К сожалению, за 10 лет своего руководства в самое экономически тяжелое и неуправляемое время он так и не смог создать в заповеднике систему управления с приоритетом классической заповедной идеологии. С трудом управлял событиями, а направить их (события) в русло федерального законодательства так и не смог.

Ему казалось, что он способен на разумный компромисс между «желаниями» республиканских властей и требованиями федерального центра, но каждый раз побеждали и реализовывались замыслы заседающих местных чиновников, меркантильные интересы директорского окружения и его личные цели. Будучи человеком мягким, он не выдержал «тройного» пресса и в начале 2003 года добровольно покинул руководящее и тяжелое кресло в расцвете возраста и приобретенного опыта, возможно оценив смену приоритетов эпохи, к которым не был готов и профессионально и психологически

На его место пришел заместитель по охране С.В.Спицин, но, пробыв и.о.директора заповедника почти год, неожиданно для всех и для него самого, без какой-либо мотивации (и крайне не этично) приказом главка был освобожден от руководства и переведен на прежнюю должность, которую он вскоре, в знак молчаливого протеста, покинул, продолжая работать в системе заповедников Сибири. Это, по-видимому, произошло потому, что он вырос и олицетворял собою меркантильные 90-е годы. Необходим был новый тип руководителя, который бы восстановил статус-кво федерального закона на территории заповедника.

В декабре 2003 года директором был назначен сотрудник заповедника и по совместительству исполнительный директор Фонда «Алтай заповедный», молодой (30 лет), деловой и активный В.Г.Тригубович. По характеру – жесткий максималист, абсолютно нетолерантный и крайне бескомпромиссный человек. Исповедовал идеологию федерального заповедного законодательства. Непродуманно, но радикально приступил к кадровому переустройству и ликвидации всех «либеральных компромиссов» С.П.Ерофеева. Радикальность позиции привела к грандиозному и затяжному скандалу с разборками внутри заповедника, среди жителей центральной усадьбы и внутри республики с широким резонансом в СМИ всех уровней.

Необходимо заметить, что стратегия восстановления закона обязана быть радикальной по определению, но тактика реализации стратегических целей – всегда дипломатична, юридически выверена и должна быть справедлива к правам человека. Но новый директор был далек от понимания этих простых вещей.

Надо отдать В.Г.Тригубовичу должное в организации центрального офиса заповедника в Горно-Алтайске с переводом туда бухгалтерии, отделов кадров и экопросвещения, части научного отдела (с перспективой перевода всего отдела). Это помогает решать проблемы оперативной связи с Правительством Республики, с НИИ Сибири. Кадровые вопросы решаются без предоставления (покупки) квартир. Кроме того, в райцентре Улаган он создает базу заповедника и повышает оперативность и эффективность охраны заповедника на большей (причолушманской) его территории за счет использования новых автодорог. В Яйлю сохраняется отдел охраны заповедника, научный стационар и часть научных сотрудников. Теплоход для оперативной работы и помощи прителецким лесничествам и кордонам в осеннее- зимний период (ноябрь-январь) переводится в Яйлю (чего не было при С.П.Ерофееве). Предпринимается попытка снабжения лесных кордонов продуктами питания.

Справедливости ради надо отметить – В.Г.Тригубович сразу разобрался в скрытых формах притязания республиканских чиновников на федеральные земли заповедника с целью использования их в туристических целях и в потенциале – сдачи в аренду заповедных земель. Лишь через 2 года Республика Алтай начала открыто и официально решать этот вопрос в Минприроде.

К сожалению, за 3 года противостояния В.Г.Тригубович так и не сумел создать систему управления природоохранной, научно-исследовательской и эко-просветительной работой, которая бы осуществлялась в «полуавтоматическом» режиме без его «руководящих разносов». В заповеднике так и не разработана стратегическая перспектива развития этих основных направлений. Равнодушно он отнесся к получению заповедником статуса «биосферный».

Далеко не всегда срабатывала исполнительная вертикаль – многие сидели и ждали указаний «сверху», другие – тихо саботировали их.

Хотя в системе охраны природы и в учете зарабатываемых средств обозначились положительные тенденции. На счет заповедника стали поступать деньги от «Главкосмоса» как компенсация за ущерб природе заповедника при запуске ракет с Байконура (раньше эти деньги «застревали» в правительстве республики). Значительную часть средств В.Г.Тригубович вложил в заповедник из своего фонда «Алтай заповедный», но он оставался обладателем удивительного «таланта» наживать себе врагов, как среди чиновников республики, так и среди сотрудников заповедника.

Уже в 2006 году новое руководство республики обратилось в Минприроду с официальной просьбой изменить статус Алтайского заповедника с биосферного заповедника на национальный парк и с предложением уволить директора заповедника В.Г.Тригубовича. В июле прибыл заместитель министра и убедил правительство республики в юридической несостоятельности просьбы о смене статуса Алтайского заповедника и в отсутствии достаточных оснований для смены руководства заповедника. Центр не желал снимать федеральных руководителей по инициативе региональных властей.

* * *

В заключение хотелось бы так же кратко охарактеризовать взаимодействие Алтайского заповедника и Озерной гидрометеостанции (ныне – Станция комплексного фоновый мониторинга (СКФМ)), расположенной в пос.Яйлю. Озерная станция и СКФМ были созданы на базе метеостанции, открытой одновременно с заповедником еще в 1931 г.

Станция выполняет широкий диапазон наблюдений – климатических, гидрологических, гидрофизических, гидрохимических и наблюдений за фоновым загрязнением природной среды заповедника. Эти наблюдения использовались в «Летописи природы», при реализации программы экологического мониторинга, при подготовке научных работ и диссертаций в заповеднике.

Необходимо заметить, что СКФМ входят в состав большинства биосферных заповедников, но ни один заповедник России не имеет на своей территории одновременно СКФМ, метеостанцию, речные и озерные наблюдения, 10 водомерных и метеорологических постов и два полигона. Многие научные сотрудники из других заповедников (ихтиологи, гидробиологи, географы, биологи, ботаники, дендрологи и др.) еще в мою бытность руководителем этой станцией завидовали сотрудникам Алтайского заповедника, имевшим тогда доступ к годовым и

многолетним результатам наблюдений этой станции, по сути, отражающим базовые экологические условия в экосистемах.

В 1994 году в преддверии получения Алтайским заповедником международного статуса «биосферный», работая уже в Новосибирске, мне удалось Озерную гидрометстанцию Яйло перевести в разряд СКФМ.

Взаимодействия АГПЗ и СКФМ начали разрушаться при С.П.Ерофееве и С.В.Спишине, а при В.Г.Тригубовиче противостояние между ними лишь усилилось. Основы их размежевания заложены в Москве – Росгидромет и Минприрода перевели свои региональные подразделения на самофинансирование (!?!): у заповедника нет средств покупать материалы наблюдений СКФМ, а сама СКФМ потеряла возможность заготавливать дрова, получать покосы, быть соисполнителем зарубежных грантов заповедника. В целом же, добрые и взаимовыгодные отношения, между заповедником и станцией определяются масштабом личности, как директора заповедника, так и руководителя станции.

Новый «биосферный» этап

Весной 2007 года ушел с должности директора заповедника В.Г.Тригубович. На его место Минприродой был назначен Игорь Вячеславович Калмыков – бывший заместитель по науке Саяно-Шушенского заповедника. Прагматичный романтик, дипломат, сдержан и немногословен. Ему быстро удалось восстановить психологический климат в коллективе после более чем трехлетней «войны» и противостояния сторон при В.Г.Тригубовиче. Работу свою он начал снизу – с экопросвещения. Заповедник начал издавать ежеквартальную газету тиражом 500 экз., проводить среди школьников экологические конкурсы, фотовыставки. Проведена юбилейная научная конференция с публикацией работ.

Новый директор наладил отношения с руководителями Республики Алтай и районами, примыкающими к границам заповедника. Организовал «Пресс-центр» в заповеднике и, что самое главное, впервые в истории заповедника начал проводить планомерную экопросветительскую работу среди населения, проживающего вдоль границ заповедника..

После почти четырехлетнего перерыва, охрану вновь возглавил неутомимый С.В.Спишин. Но кадровые, транспортные, экономические возможности заповедника ограничены, и масштабной эффективной охраны заповедника (в т.ч. вахтовой в период нереста рыб и сезонных охот) в долине Чолушмана, в Джулукульской котловине и на восточной границе с Тывой, организовать так и не удается.

Научным отделом продолжает руководить обстоятельная С.В.Чухонцева, все еще озабоченная разработкой и реализацией приоритетной программы экологического мониторинга и поисками путей объединения разрозненных научных интересов (или даже отсутствием их) среди сотрудников отдела.

Экопросвещением правит новенькая С.Н.Щигрева – активная, преуспевшая в экопросвещении школьников и студентов, но все еще далекая от пропаганды русской классической концепции заповедания территорий, как эталонных участков биосферы.

И.В. Калмыков хорошо понимает, какой громадный труд и средства необходимо вложить в совершенствование охраны заповедника, создание охранной (буферной) зоны вдоль границ заповедника и развитие научных исследований, хотя приоритет неоправданно сохраняется за экопросвещением.

Вместе со своими заместителями он сумел быстро организовать оформление международного статуса «биосферный заповедник» и осознает, как глубоко необходимо реформировать научно-исследовательские работы в заповеднике, решить задачи экологического мониторинга с привлечением зарубежных и академических экспедиций. Если он сумеет добиться экономической помощи от Минприроды, зарубежных грантов, помощи спонсоров, умелого и разумного получения и использования, зарабатываемых на живописности Телецкого озера (а не заповедника), то Алтайский заповедник ожидают хорошие перспективы.

К сожалению, вне внимания научных сотрудников остается проблема оценки изменения климата как основного экологического фактора, определяющего современную динамику экосистем. Не разработаны также многолетние комплексные программы исследования оз.Джулукуль, внутренних горных систем Куркурек-бажи, Кейты-кель, Чолушманских белков. «Затихли» экономические отношения заповедника с Главкосмосом по оценке влияния падающих частей ракет-носителей и возмещению ущерба природе заповедника.

С уходом из жизни Ирины Филус, стали призрачными перспективы организации в поселке Яйло «Визит-центра», музея природы заповедника и архива.

Слабо решается вопрос с привлечением в науку и охрану заповедника национальных кадров. Не нашли реализации предложения по установке на границах заповедника предупреждающих аншлагов на русском и алтайском (тувинском, хакасском) языках. Не восстанавливаются в долине Чолушмана закрытые ранее кордоны вдоль открытых для браконьеров границ заповедника. Не получила развития на центральной усадьбе заповедника социально-бытовая инфраструктура.

По вышеизложенным проблемам я нашел в лице нового директора заповедника глубокое понимание и согласие. Остается лишь надеяться на понимание их в Минприроде РФ и в Правительстве Республики Алтай.

При И.В. Калмыкове руководители Республики Алтай отступили от притязаний на прителецкую территорию заповедника. Ещё В.Г.Тригубович ликвидировал туристические маршруты по заповеднику и частную турбазу на кордоне Чири. Таким образом, угроза появления «четвертого» заповедника миновала. Надолго ли???

Большинство руководителей заповедной системы страны и в центре и в регионах далеки от понимания простой и ясной, как солнечной полдень, истины: заповедники - это эталонные участки биосферы, генетические банки живой природы региона и полевые научно-исследовательские лаборатории. Поэтому приоритеты в них должны сохраняться за охраной и научными исследованиями, а экоспросвещение – важная, но лишь сопутствующее им направление в деятельности заповедников. При этом без какого-либо коммерческого использования заповедных территорий.

3.7. Послесловие

За последние 20 лет (1988-2008 гг) система охраны природы в стране испытала на себе восьмикратную (!) реорганизацию, которая разрушила централизованное методическое руководство, растеряла высокопрофессиональные кадры на всех уровнях управления и подчинила природоохранные интересы природоресурсным. Вместо того чтобы приступить к решению важнейшей стратегической задачи по выравниванию в обществе экологических (этических) интересов с экономическими (технократическими) в 2000-х годах в России произошло совмещение в одном министерстве и природоресурсных и природоохранных целей. Госкомэкологию РФ во главе с В.И. Даниловым-Данильяном в 2000 году ликвидировал премьер-министр-либерал Михаил Касьянов, передав его функции Министерству природных ресурсов. Это не оставило шансов для эффективной и результативной природоохранной деятельности, т.к. приоритет сохранился за природоресурсной задачей. При этом, в охране природы преобладали коммерческие интересы и даже бизнес-цель: плати и всё будет согласовано и позволено.

Охрану природы в 1990-2000 гг историки и экологи будут именовать эпохой амбициозного непрофессионализма и коррумпированности ее руководителей, развала централизованного научно-методического руководства, разграбления лесных ресурсов, беспредельного браконьерства и разрушения русской классической концепции заповедования территорий.

* * *

В 2006 году, после длительного отсутствия, в систему управления заповедниками России возвращается Всеволод Борисович Степаницкий – последний из могикан профессиональных знатоков и «русской классической», и «советской многострадальной», и «российской либеральной» концепции заповедования территорий. Кроме того, мало кто в России среди высокопоставленных чиновников знает лучше его западную систему национальных парков и понимает её кардинальное отличие от русской классической концепции заповедников, которую в основе своей заложил Федеральный Закон «Об ООПТ» 1995 года.

Большие ожидания (но диаметрально противоположные) возлагали на В.Б. Степаницкого директорский корпус и сторонники «не вмешательства в природу заповедников». Уже в том же 2006 г появляется его ставшая широко известной, статья об экологическом туризме в заповедниках России. Возликовали директора и стали цитировать Всеволода Борисовича на юбилеях заповедников. Глубокое разочарование наступило в рядах защитников «чистых» заповедников, как «эталонных участков биосферы».

Экологический туризм в заповедниках – от лукавого. В умах 90% директорского корпуса экотуризм – это, прежде всего, коммерческое использование территории и зарабатывание денег (как правило, наполовину разворовываемых), а экопросвещение всегда вторичное или даже попутное деяние, ограниченное проспектами, плакатами или «лекциями» гидов – проводников с общим средним образованием (можно признать лишь детский и студенческий экотуризм).

Если национальные и природные парки (заказники) по Федеральному Закону действительно «Музеи природы», то заповедники – «Природные научные лаборатории». Конечно, экотуризм в интересах зарабатывания средств и экопросвещения возможен, но только в охранных (приграничных) зонах заповедника и, в худшем случае – на интересных и экзотичных точечных объектах на его границах, исключая какой-либо сквозной через его территорию туризм.

В нашей заповедной системе Кроноцкий заповедник и Красноярские «Столбы» давно уже являются, по сути, национальными парками. Экотуризм на территории Катунского, Саяно-Шушенского, Хакасского, Кавказского и многих других заповедников – это прямое нарушение Федерального Закона «Об ООПТ» 1995 г по разделу «заповедники». Экотуризм же в заповедниках с международным статусом «Биосферный» – вообще нонсенс: даже в зарубежных национальных парках со статусом «биосферный резерват» в соответствии с Севильской стратегией выделены заповедные территории («ядра») без какого-либо туризма, а экотуризм предусмотрен лишь в «буферной зоне»: (расположенной между «ядром» и «зоной сотрудничества», т.е. хоззоной).

Необходимо сразу выразить озабоченность или даже тревогу внесениями поправок в Федеральный Закон «Об ООПТ» 1995г, способных разрушить его, как своего рода «Конституцию» заповедников и национальных парков России.

В 2008г над ними нависла новая угроза, с которой можно сравнить госпроизвол советских властей над заповедниками СССР (см. выше).

В Госдуме, в скрытой форме от общественности и самих заповедников, был принят в первом чтении законопроект № 97705-5 «О внесении изменений в Федеральный Закон «Об ООПТ» и в некоторые законодательные акты РФ. В статью 10 («Государственные природные биосферные заповедники») предлагается внести изменения, согласно которым «федеральные органы исполнительной власти могут принимать решения о выделении биосферных полигонов в ГРАНИЦАХ (???) существующих государственных заповедников...»

Мало того, секретные авторы этого законодательства предлагают внести в эту статью 4-й (дополнительный) пункт, согласно которому «в целях организации биосферных полигонов земельные участки на них могут предоставляться гражданам и юридическим лицам в аренду...»(???). В разделе же Закона о Национальных парках вносится поправка о «...разрешение строительства линейных коммуникаций...», то бишь нефте-газо-продуктопроводов, на их территориях.

Авторы этих поправок или испытали на себе громадное давление «сверху», или проявили меркантильный интерес к потенциальным коррупционным схемам, или выразили абсолютный непрофессионализм: в «Севильской стратегии биосферных резерватов» (документ ЮНЕСКО, 1995г) биосферные полигоны даже в Национальных парках размещаются вне границ заповедного «ядра» – в буферной зоне или в зоне хозяйственной деятельности с целью оценки влияния этой деятельности на экосистемы. В целом же «Севильская стратегия» с её биосферными полигонами, рассчитана на Национальные парки, а для заповедников России может приниматься только в том случае, когда заповедным «Ядром» является сам заповедник в пределах его границ, а полигоны размещаются вне его границ.

Подобные биосферные полигоны организованы в Саяно-Шушенском, Катунском заповеднике за пределами их границ. К сожалению, статус этих полигонов закреплён районными властями, хотя в соответствии с Федеральным Законом «Об ООПТ», статьей 10, пункт 2 «К территории госзаповедников... могут быть присоединены территории биосферных полигонов...», а режим особой охраны территорий биосферных полигонов утверждается госорганами, в ведении которых находятся государственные биосферные заповедники», т.е. Минприродой Р.Ф.(как регулярно и эффективно проводят исследования на биосферных полигонах Саяно-Шушенский и Катунский заповедники – это уже другой разговор). Биосферные полигоны внутри заповедников возможны лишь в туристических зонах заповедника «Столбы», Кроноцкого или Кавказского заповедников, чтобы оценить экологические последствия туризма, но без какой-либо раздачи земель заповедников в аренду.

На фоне вышеизложенного «природоохранного» произвола московской чиновничьей элиты произвол директорского корпуса, туризма и браконьеров в заповедниках России в 90-е годы покажутся детской забавой. Москвичам мало приватизированных в глубинках России промпредприятий, шоколадных фабрик, рудников и скважин, торговых гигантов, земельных участков закрытых аэропортов. Теперь они готовы стричь купоны с заповедников и национальных парков. Мало им «Рублево», они жаждут использовать уже под «Сторублевки» земли заповедников с международным статусом «биосферный» на указанных биосферных полигонах.

Я глубоко уверен – об этой утонченной аванюре и потенциальной коррупционной схеме ни президент, ни премьер даже не подозревают, но дальнейшее прохождение авантюрного законопроекта в Госдуме приостановили массовые обращения активной экологической общественности к председателю Комитета по природным ресурсам, природопользованию и экологии Наталье Владимировне Комаровой. Не спасло от прохождения в Госдуму этого злополучного законопроекта и «второе пришествие Всеволода Борисовича Степаницкого» в систему заповедников России. (Работает «вертикаль власти»).

Вызывает удивление одно обстоятельство: с Сочинской олимпиадой и с проектом российско-китайского нефте-газопровода возникли одноразовые проблемы лишь с двумя объектами особо-охраняемых природных территорий, но почему вся система заповедников, национальных и природных парков подвергается разрушительным «преобразованиям»?

За более чем 80-ти летнюю историю заповедников страны лишь в относительно спокойные 70-80-е гг. заповедники устойчиво развивались. Неужели правительство России, располагая самой обширной территорией в мире, не состоятельно содержать 1-2% этой территории в качестве «эталонных участков биосферы», сохраняя и мировой авторитет державы, «за которую не обидно» и генетический фонд животного и растительного сообщества.

В 2009 году Алтайский заповедник наконец-то получает (не без участия Правительства Республики Алтай) международный статус «биосферный». Но если на его территории получит развитие, иницируемых Главком заповедников, т.н. «экологический туризм», а чиновники «не мытьем, так катаньем» реализуют свою чудовищную идею раздачи в аренду земель на «биосферных полигонах», расположенных на территории заповедника, то угроза возникновения «четвертого» заповедника более чем вероятна. Судя по всему, эту угрозу в ближайшие годы может предотвратить только В.В.Путин, но достучаться до него дело абсолютно бесперспективно: на пути станет не его охрана, а «охрана природы».

Максимализм в охране природы оправдан до тех пор, пока в общественных отношениях не наступит равновесие (50х50) между экологическим (этическим) и экономическим (технократическим) мышлением. Сейчас это соотношение составляет 10х90 (!).

*«Когда меня не будет в этом мире
Я не хочу бесследно раствориться –
Хочу в другом, пусть не живом эфире
Еще хоть раз кому-то пригодиться.*

*Согрев своим теплом дождинку,
Скатиться по щеке, как знак прощенья;
А может осветить во тьме тропинку
И указать кому-то путь спасенья....»*

И. Филус

IX.2004

3.8. «Нам дан пример святого совершенства...» Памяти Ирины Филус

Поэтический этюд, взятый мною за эпитафию, Ира написала незадолго до своего рокового часа. Эту поэзию я бы обозначил как «Предчувствие» потерять возможность и потребность ее души быть всегда полезной для кого-то.

Безысходность не знает слов утешения. После ухода из жизни кого-либо из нашего окружения, степень испытываемой безысходности определяется не только потерей того пространства, которое занимал этот человек в нашей жизни и не только масштабом его личности, но, прежде всего, не реализованным потенциалом его добродетелей, талантов, задуманных им свершений, которые уже никто другой не состоятелен реализовать. И никто и никогда уже не осчастливит ими осиротевших сыновей, друзей и соратников по общим целям.

Давно известна аксиома: если человек талантлив – он талантлив во всем: в профессии, в умении любить, в восприятии поэзии, музыки, природы, в таланте выражать свои чувства и мысли, в понимании своего окружения...

Таким талантливым человеком была Ира – в стихах, в акварелях, в резьбе по дереву, в общении, в своей яркой мечте построить в заповеднике «Визит-Центр», в трепетной любви к Телецкому озеру и Алтайскому заповеднику, в преданности друзьям и соратникам, в почитании Бога и преклонении перед ним, в умении сглаживать острые углы далеко не простых отношений в изолированном поселке, не озлобляться в часы невзгод и страданий и не терять чувство меры в редкие минуты восторженного счастья...

Это она открыла мне бытовую методологию познания – понимать и воспринимать сначала душой и сердцем, а потом уже разумом наше окружение, новых людей, процессы и явления в природе и жизни – и тогда можно будет гарантировать наше творческое преуспевание в ней. Но при этом она никогда не теряла достоинство, не принимала импульсивных решений и крайне редко ошибалась в оценке людей.

Ира была напрочь лишена необходимости и «таланта» меркантильно строить свои отношения в семье, в коллективе, с друзьями, с гостями заповедника и озера, а ее второй натурой было абсолютное бескорыстие. Искренние и открытые люди уже тем значительны, что они не умеют лгать и лицемерить и никогда не живут по двойным стандартам.

Среди нас работал и жил светлый человек с чистой душой и без потаенных мыслей, с неукротимым желанием реализовать свою мечту, всегда безупречный в поведении, деликатный в отношениях, с благородными поступками и помыслами. Даже в тривиальной бытовой беседе Ира талантливо умела находить нужное и нестандартное слово, легко уловить и четко выразить ключевую мысль темы, передать свое ощущение события или понимание собеседника...

К сожалению, многие из нас прозрели в понимании Ирины Филус, только потеряв ее. Это свойственно нынешнему сообществу людей – воспринимать и светлую, и темную личности одинаково равнодушно и даже безразлично, а потом, когда сам стал жертвой серой личности,

громко обвинять всех вокруг или восхищаться светлым человеком лишь в день его смерти, сделал открытие для себя: «Боже мой, какого человека мы потеряли!»

Ирина – яркий представитель неутомимых исследователей природы Алтайского заповедника. Она могла неделями жить в одиночестве в заброшенной заповедной избушке, наблюдая за лосями или бесстрашно и также в одиночестве преодолевать абсолютно незнакомые ей и суровые горно-таёжные тропы, форсировать в брод горнотаежные речки с ледяной водой.

Однажды, в составе небольшой мужской экспедиции, она преодолевала высокогорную тундру и «ломала» Чолушманские белки по звериным тропам. Мужчины-джентльмены, несмотря на ее горячие протесты, облегчили ее рюкзак на консервные банки и ботанические планшеты. Она тут же незаметно восстановила вес своей ноши с помощью камней и спокойно, не отставая от мужчин, без нытья добралась с ними (каменьями) до устья Чолушмана.

Это не было проявлением феминизма – она никогда не теряла своего обаяния и утонченной женственности. Ира просто испытывала себя на прочность и способность на равных с опытными горно-таёжниками исследовать тундру и горные хребты заповедника.

Это помогло ей в будущем впервые в истории заповедника осуществить зимние «безизбушечные» походы в бассейн суровой Чульчи. Она первой подтвердила не только наличие в «третьем» Алтайском заповеднике «краснокнижного» аргали (горного барана), но и его размножение на территории заповедника (а наблюдать их приходилось лишь на «трехтысячниках» горных хребтов). Многие годы Ира, в сумерках утренней зари, профессионально изучала поведение копытных на солонцах, в том числе и тогда, когда на маралов и косуль в это же время охотились волки, медведи и браконьеры. Она описала уникальный случай результативной охоты снежного барса (ирбиса) на крупного марала - самца.

Ее общение с живой природой в заповеднике стимулировало развитие ее поэтического таланта. Здесь же рождались и ее акварельные сюжеты. Ира, что называется, с отличием закончила «душевный университет природы» в Алтайском заповеднике еще в 1980-е годы. Но при жизни так и не получила своей «золотой медали». К сожалению, признание к ней пришло лишь после смерти (так уж устроено наше сообщество).

Ее стихи и акварели опубликованы в журналах Москвы (2005 г.), Новосибирска (2005, 2006 гг.) и в журналах для зарубежья (2005 г.). В Иркутске (2007 г.) ее мама, заслуженный врач России Александра Ефимовна Амбросова, издала их отдельной книгой. Предисловие к стихам и рисункам Иры написал известный иркутский литератор Владимир Скиф, и книга вышла под его проникновенным названием «Источаемый сердцем свет». Новосибирские друзья Иры в разные годы организовали выставки ее акварелей в крупных городах Сибири, но увидела она лишь одну – в Новосибирской Государственной Публичной Библиотеке СО РАН в последнее свое лето 2004 года.

Ира была наделена редчайшим человеческим качеством личности – цельностью натуры. Находясь одновременно в «статусе» дочери, сестры, жены, матери, подруги, друга, соратника, коллеги, сотрудника, собеседника, попутчика на тропе, она при этом всегда оставалась одинаковой и неизменной на любой этой «должности»: добропорядочной, честной, обязательной, надежной, щедрой, искренней, открытой, деликатной... От нее всегда веяло теплом человеческого участия.

Еще в середине 1960-х годов в п. Яйлю, в качестве компенсации жертвам политических репрессий, одну из прибрежных усадеб поселка получила от краевых и областных властей семья Жебровских – одинокие мать и дочь – поэтический романтик Мильда Федоровна и прагматичный садовод Лилия Юрьевна. Вскоре, в этой теперь уже частной усадьбе, поселился в качестве главы семьи генерал-майор запаса Холод Михаил Дмитриевич, отказавшись от генеральской квартиры в Крыму.

В течение почти четверти века Ира Филус самоотверженно шефствовала над этими интеллигентными и оптимистичными аристократами духа, превратившись буквально в дочь и внучку таких же бескорыстных, как и она телецких садовода, цветовода и пчеловода, опекавших в этих направлениях практически все усадьбы жителей Телецкого побережья. Все трое умирали на руках Иры и похоронены на поселковом погосте ее заботами.

Получив в наследство их усадьбу, Ира даже не планировала использовать ее в частных целях, а решила превратить ее в давно задуманный «Визит-Центр» с музеем природы Алтайского заповедника, а на земельном участке поселить дикоросы заповедника.

Побывав в музеях Финляндии, Ира тогда уже решила заменить химическую таксидермию экспонатов музея будущего «Визит-Центра» на изготовленные резьбой по дереву скульптуры

птиц, раскрашенных акварелью, тушью, гуашью под их природную окраску. И добилась в этом новом для себя искусстве поразительных успехов, оставаясь самобытным художником с поэтическим мышлением. Эта орнитофауна заповедника в музее не подвластна времени, доступна рукам детей и не вызывает в подсознании посетителей сожаления о загубленной жизни птиц ради получения музейных экспонатов.

Проработав в Алтайском заповеднике более четверти века, Ирина Филус опубликовала около полутора десятков научных работ, по материалам добытым в тяжелых экспедициях по заповеднику. Круг ее научных интересов постоянно расширялся. Будучи человеком увлеченным, неутомимым и раздвигая рамки своих интересов к лосям, маралам, северному оленю, аргали, снежному барсу, она одновременно увлекалась геоботаническими и орнитологическими наблюдениями и исследованиями. В круг ее интересов вошли экопросвещение и природоохранная публицистика (чего стоит одно только название ее статьи «Боль тайги и крик души», 2003 г.). Четыре ее научные работы использованы для аргументации статуса «краснокнижнику» Алтай.

Последние годы Ира работала заведующей музейными коллекциями Алтайского заповедника, продолжая ежегодно тропить горы, тундру, речные долины и высокогорные озера. Она готовит для будущего музея экспонаты, научные зооколлекции, гербарии; увлеченно работает над историографией научных исследований в Алтайском заповеднике за 75 лет его богатейшей истории; занимается резьбой по кедру, пишет очаровательные акварели и проникновенные, полные светлой печали и грусти, стихи, возможно, уже находясь в состоянии того «Предчувствия».

Общаясь с Ирой почти три десятилетия, я могу утверждать – источником ее поэтического вдохновения всегда было уединенное пребывание на широких заповедных просторах. Будучи человеком предельно скромным и не честолюбивым, она глубоко ценила и любила заповедник в себе, а не себя в заповеднике (чего не скажешь о большинстве нынешнего поколения руководителей разных рангов в заповедной системе России, готовых извлекать из заповедников материальные, а не духовные и научные ценности).

В неуправляемые 90-е годы Ира была в числе немногих сотрудников Алтайского заповедника, которые на каждом заседании Научного Совета упорно отстаивали русскую классическую концепцию заповедания территорий как «эталонных участков биосферы с абсолютным невмешательством в природные процессы». В силу обвального экономического спада и в результате произвола директорского корпуса блестящий и справедливый Федеральный Закон о заповедниках 1995 г. не работал в России до середины первого десятилетия нового века, когда он начал лишь робко корректировать работу заповедников.

С какой душевной болью, которую я разделял полностью, говорила она мне о браконьерском беспределе в заповедниках, о неуправляемом развитии так называемого «экологического туризма», в том числе на территориях даже биосферных заповедников (Кроноцком, Катунском, Кавказском), хотя в Федеральном Законе о заповедниках 1995 года отсутствует даже слово «туризм».

Ирина системно занималась важнейшей научной темой – изучением динамики численности копытных и их миграциями. Она с интересом и пониманием проблемы откликнулась на мое предложение оценить влияние массового браконьерства в 1990-е годы на динамику численности промысловых видов. Но подобная научная тематика в современных заповедниках обречена и не имеет ни методической, ни организационно-финансовой перспективы, ни транспортной поддержки научного отдела. По сути, эта тема – показатель состояния и эффективности охраны заповедника (парадоксы заповедной эпохи 1990-х годов).

В конце 90-х годов, Ира, скорее по собственной инициативе, чем по моей, заинтересованно собирает архивные материалы и старые фотографии для моих «Очерков истории Телецкого озера» (все еще не опубликованных). Тогда же мы договорились с ней о передаче в будущий музей архивы российско-бельгийских исследовательских работ на Телецком озере в 1994 – 2001 годах. Она готова была принять архивы по подготовке упомянутых выше «Очерков...» - климатические, картографические, фотоархивы, ксерокопии литературных источников XVIII – XX веков, письма исследователей озера, библиотеку и некоторые исторические экспонаты по Телецкому озеру, накопившиеся у меня за 16 лет жизни на озере. Увы! Все рухнуло в одночасье.

Высокий полет ума и души светлого человека Иры Филус прервался 7 февраля 2005 года в расцвете таланта (52 года), накопленного опыта и глубоких знаний предмета.

Перспективы открытия на центральной усадьбе заповедника «Визит-Центра» и Музея природы превратились в одно мгновение в мираж – истинные таланты незаменимы.

По генетическому коду наследственности, которому принадлежит «контрольный пакет акций» продолжительности нашей жизни, Ира должна была бы прожить до 80–90 лет, но сработал «блокирующий пакет акций» - социально-географические условия жизни и реализации профессии. Еще до рокового года она как-то осмелилась проехать верхом на норовистой лошади и не удержалась в седле, возможно, получив при падении и ушибе головы гематому. Я не исключаю: на развитие заболевания могли повлиять ее неутомимые походы по горным тропам, в том числе беспрецедентная зимняя «безизбушечная» экспедиция по суровой Чульче, с температурой воздуха до – 30°С.

Как правило, мы «накручиваем» свою судьбу сами, хотя и не без «помощи» окружающих нас людей, своей профессии и образа жизни. Только на трагическом примере смерти Иры Филус я понял истинную цену трогательно-душевного призыва «Берегите себя!»

Покидая этот мир, каждый из нас оставит после себя сыновей, дома и деревья, а талантливые дополнят свое наследство и память о себе стихами, музыкой, картинами, книгами, садами, музеями, мостами, а теперь еще и Интернет-сайтами.

Ушедшие от нас продолжают жить с нами до тех пор, пока мы их помним. Я глубоко убежден: рано или поздно, но «Визит-Центр» и Музей природы Алтайского заповедника будут построены и там найдется стенд-уголок памяти благородной и самоотверженной, неутомимой и увлеченной, светлой и талантливой Ирины Филус с ее стихами, акварелями и рожденной из кедра орнитофауной Алтайского биосферного заповедника.



25. Ф.Ф. Шиллингер (1874 - 1943). Ученый секретарь Комитета по заповедникам при президиуме ВЦИК. В 1931 организовал работу Алтайского заповедника и уточнил его границы. Умер в Сталинских лагерях на Урале от истощения.



26. П.Б.Юргенсон (1903 - 1971) В 1930-гг - сотрудник Алтайского заповедника. В последствии руководил наукой в главке заповедников при Совмине РСФСР.



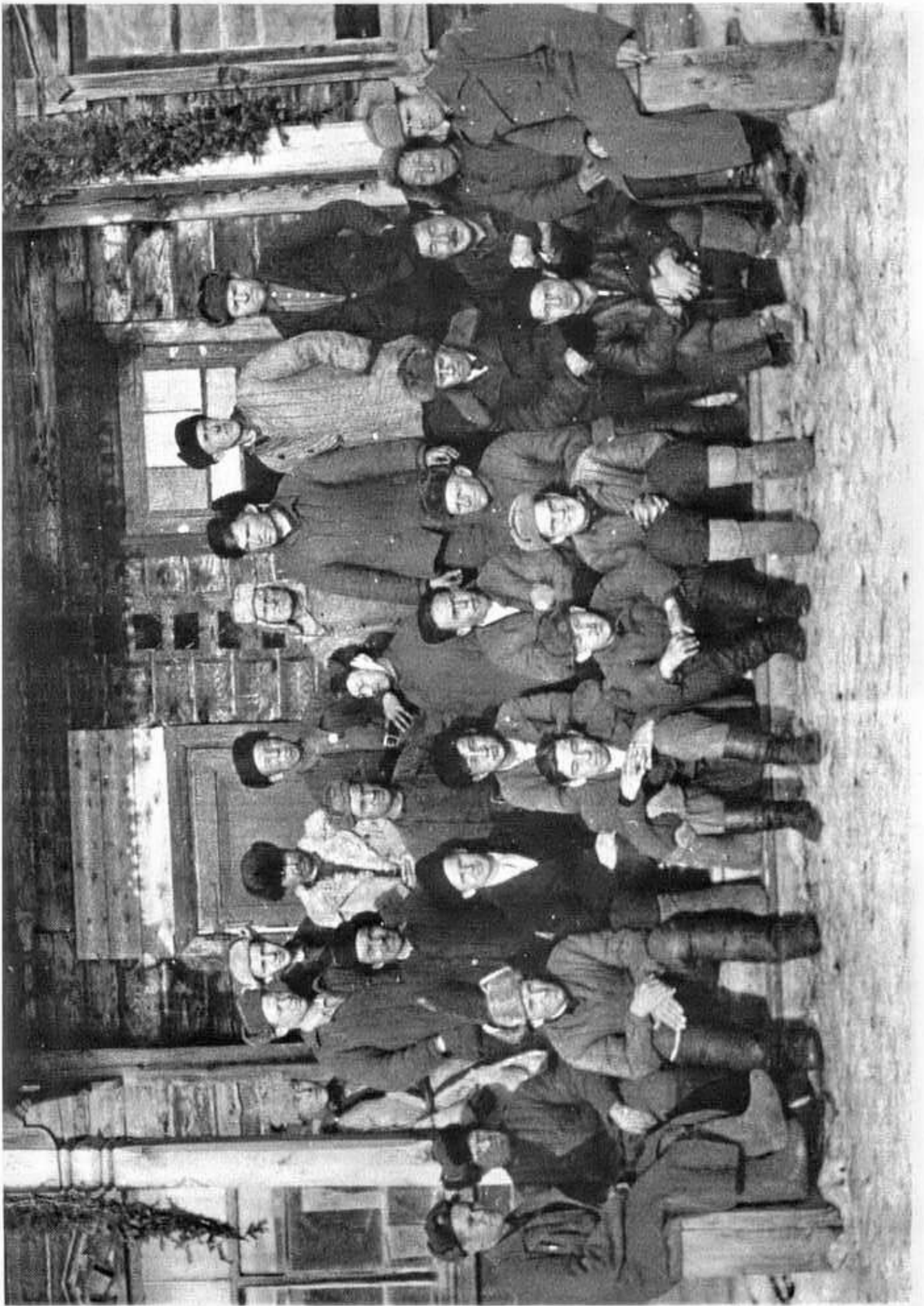
27. Без малого 65 лет это здание олицетворяло собою заповедник и поселок Яйлю. 22 декабря 1999г. оно сгорело, предопределив наступление эпохи нового "четвертого" заповедника (фото 1975г).



28. После удачной охоты в заповеднике на хищников (слева направо): А Менкушев, Т. Шмырин, С. Казандыков отстреляли медведицу с двумя пестунами. Октябрь, 1944г. (фото из архива семьи А.О.Черствова).



29. В препараторской заповедника. Обработка пойманных в капкан рысей ведут А.Гладков и М.Молоков. Начало 40-х гг. (фото из архива семьи А.Д.Черствова)



30. Собрание наблюдателей "первого" заповедника, Яйло, 1948г. Вверху, второй справа Г.Д.Дулькейт. Ниже его директор заповедника И.Г.Ефремов. Еще ниже в черной шапке Ф.Д.Шапошников. Четвертый слева вверху в белом полушубке Д.М.Молоков, ниже его сидит руководитель охраны Е.И.Кайгородов. Вверху сразу левее Г.Д.Дулькейта Е.Е.Шмарин - именя лишь 3 класса образования, но во всем заповеднике ему не было равных по игре в шахматы.
(фото 1948г из архива Т.Г. Дулькейта)



31. Зоолог Ф.Д. Шапошников в Коль-тайге
р.Коотру. Рога северного оленя (1941г.)
(фото из архива семьи А.Д. Черстова)



32. Ф.Д.Шапошников - уникальный человек и ученый
в "первом"заповеднике, интересная жизнь
которого ждет своего биографа.



33. Зима 1948г. Камгинский залив.
Около пойманной в капкан росахахи.
(фото из архива Т.Г. Дулькейта)



34. Директор заповедника военного времени
Алексей Дмитриевич Черстов (фото 1943г)



35. В конце 40-х гг. на лед озера совершали посадки "чартерные" рейсы с "Большой земли".
пос. Яйлю. (фото из архива В.Яковлева)



36. Экспедиция на р.Сурьяза. Научный сотрудник Л.Барсова и
лесники А.Власов (слева) и Н. Михеев. (фото 1961г. из архива Л.И.Барсовой)



37. Заседание научного совета во "втором" заповеднике. Слева направо зам. директора А.Н.Филипповский, директор В.В.Креницкий, завхоз А.В.Александров, почвовед Л.П.Брысова, ст.лесничий А.И.Коляев, зоолог Д.В.Житенев, зам по науке геоботаник И.А.Коротков, лесничий яйлинского лесничества Г.И.Гладков, с докладом выступает орнитолог В.Е.Михлин (фото 1959г из архива Л.П.Брысовой).



38. Собрание лесников-наблюдателей в Атуште. В центре директор заповедника В.В.Креницкий. Стоит вторая справа ст. научный сотр. Кожевникова Р.К. Сидит третий слева Будаев В.Н., выше его Андадигов Г.Н., четвертый справа Ю.Бедарев, третий Коляев А.И., второй Двоглазов Н.Н., первый - Михеев Н. (фото Д.Житенева)



9. Под вершиной Тоголок (июль 1958г). Слева направо: лесник Андрей Натов, практикант Франческа Чалидзе, зоолог Дмитрий Житенев, ботаник Иван Коротков (фото Д. Житенева).



40. Г.Д.Дулькейт и Ю.И.Запекина-Дулькейт (сидят в центре) - гости первого коллектива "третьего" заповедника. Слева от них - директор Г.М.Дорохов и гл. лесничий Т.А. Плищенко; справа - зам по науке Э.А. Ирисов (фото В.А.Яковлева)



41. Самый убежденный и активный сторонник классической русской концепции заповедования территорий зам.по науке в "третьем" Алтайском заповеднике - Эдуард Андреевич Ирисов с "экспериментальным" Шалтаном.(п.Яйлю1971г)



42. Встреча на Московском "меридиане". На переднем плане - директор Алтайского заповедника О.А.Макаров; на заднем: председатель Московского межрайонного общества охотников и рыбаков - И.М.Селегей (фото неизвестного автора)



43. Московские, Горно-Алтайские и Яйлинские начальники заповедника на озере Джулукуль. Были времена, когда вертолёт заповедник пользовался, как горожане такси. Слева направо: второй пилот Николаев В.И., командир вертолёта МИ-8 Смирнов Б.И., директор заповедника Галанин А.В., лесник Чодринского лесничества Караков М., главный лесничий главка заповедника Сторчевой К.В., ?, зам. директора заповедника по науке Олигер А.И., лесничий Яйлинского лесничества Шилов В.А.

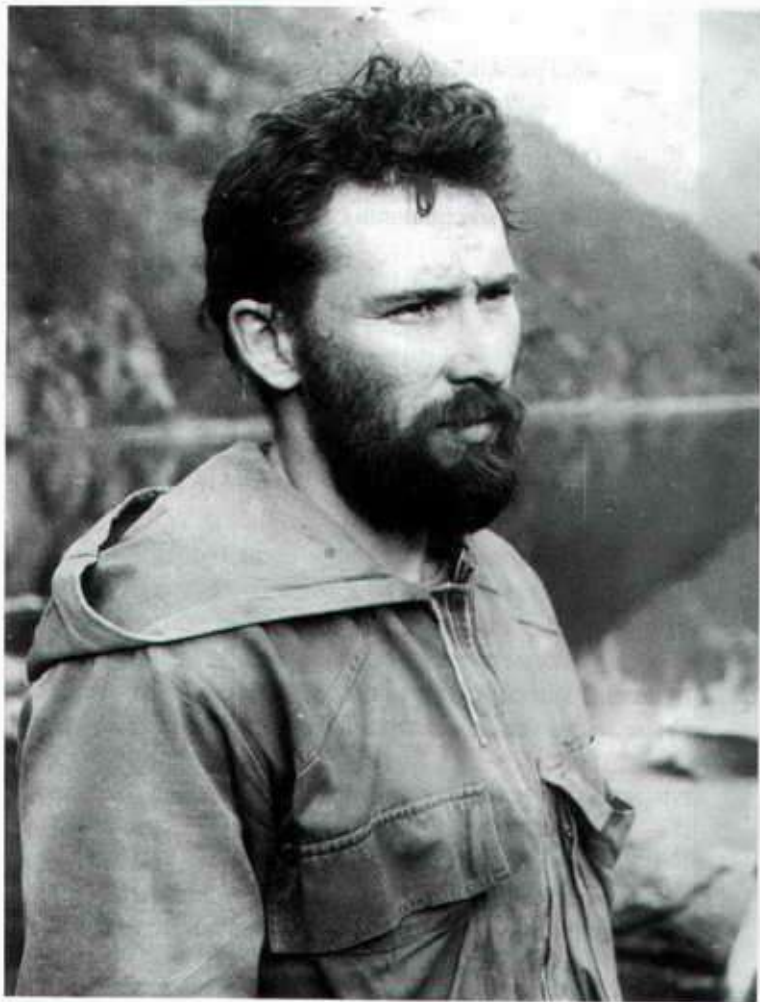


44. Заместитель директора по научной работе
энтомолог А.И. Олигер (фото середины 70-х гг)



45. В.А. Стахеев - талантливый телецкий орнитолог.
В последствии - зам. по науке Саяно-Шушенского
заповедника, председатель научного совета
ассоциации Алтае-Саянских зап-в. Русской
классической концепции заповедования территорий
предпочел прозападную "либеральную". (фото 80-х гг).

46. Заместитель директора по охране,
Государственный инспектор С.В.Спицын.
(фото 90-х годов)



47. Научный сотрудник В.А.Яковлев с
волчонком. Кордон Язула, 1976 г.





48. Григорий Алифанов с верной и умной Багирой - более 20 лет работает лесником и гидрометнаблюдателем на кордоне Кокши. Оптимист, мастеровой, неутомимый ходок по горам, гитарист, гостеприимный, веселый и не злой матерщинник - профессионал (фото 2003 г.)



49. И.А. Филус - талантливый, самоотверженный и увлеченный исследователь природы Алтайского заповедника. Знаменита стихами, акварелями и резьбой по дереву. (фото 2002г.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

| | | |
|---|--|------------|
| Книга, прожитая честно. Предисловие редактора..... | | 5 |
| ГЛАВА 1. | Туризм. история зарождения и развития | |
| 1.1. | Кто они - первые туристы?..... | 9 |
| 1.2. | Звездные годы туризма на озере..... | 10 |
| 1.3. | Знаменитые гости Телецкого озера..... | 13 |
| 1.4. | Поучительная история для самодеятельных туристов..... | 16 |
| 1.5. | На озере не опасна только «Нэсси»!..... | 20 |
| ГЛАВА 2. | Кедроград | |
| 2.1. | История разрушенной мечты..... | 36 |
| 2.2. | Основатель Кедрограда Фатей Яковлевич Шипунов (1933-1994). Биографический очерк..... | 48 |
| 2.3. | «Кедроглеград». Экологическая гроза над верховьями Бии..... | 53 |
| ГЛАВА 3. | Три жизни Алтайского заповедника | |
| 3.1. | Предисловие..... | 63 |
| 3.2. | Заповедники - слава и боль России..... | 65 |
| 3.3. | «Первый» Алтайский заповедник (1931-1951 гг.)..... | 67 |
| 3.4. | «Второй» Алтайский заповедник (1958-1961 гг.)..... | 77 |
| 3.5. | «Третий» Алтайский заповедник (1968-2007 гг.)..... | 81 |
| 3.6. | Грядет ли «четвертый» заповедник?..... | 87 |
| 3.7. | Послесловие..... | 94 |
| 3.8. | «Нам дан пример святого совершенства...» Памяти Ирины Филус..... | 97 |
| ГЛАВА 4. | Этюды истории Телецкой озерной станции (субъективные заметки пристрастного человека)..... | 113 |
| ГЛАВА 5. | Телецкое озеро - «душевный университет природы» | |
| 5.1. | Старожилы Телецкого озера..... | 145 |
| 5.2. | Охотники и браконьеры..... | 152 |
| 5.3. | Телецкий вертодром..... | 154 |
| 5.4. | Телецкий ракетный «погост»..... | 159 |
| Оглавление..... | | 173 |

Селегей Валентин Васильевич

ТЕЛЕЦКОЕ ОЗЕРО
Очерки истории

КНИГА ВТОРАЯ

Редактор – В.Г. Новиков

Фото, обложка, титул, карта – В.В. Селегей
Подготовка к печати фото, карт, графиков; макет – В.А.Гельбих
Корректор, компьютерный набор – Вероника Селегей

Подписано в печать 17.11.2010. Формат 60x84/8.
Усл.печ.л.21,75. Тираж 500 экз. Заказ № 11160

Отпечатано в типографии «Офис-лидер»
630015 г. Новосибирск, ул. Электrozаводская, 4, корп. 3
Тел. (383) 288-14-40



Телецкое озеро-это не только единая биосистема, в которой все процессы и явления взаимосвязаны и взаимообусловлены. Это ещё и единая исторически сложившаяся изолированная и неординарная социально-географическая среда, в которой природа, люди и дела их связаны невидимыми нитями с загадочным прошлым, неопределённым настоящим и непредсказуемым будущим.

★ ★ ★

В России охрану природы в последнее 20 - летие будущие экологи и историки будут именовать эпохой амбициозного непрофессионализма и коррумпированности её руководителей на фоне развала экологической экспертизы и системы централизованного научно-методического руководства; разграбления лесных, рыбных ресурсов и заповедного браконьерства; разрушения русской классической концепции заповедования территорий и подчинения природоохранных целей природоресурсным.

В.Селегей
заслуженный метеоролог Р.Ф.

